

ISSN 0869—4788

10
ФЕВРАЛЬ
102РА

2 93

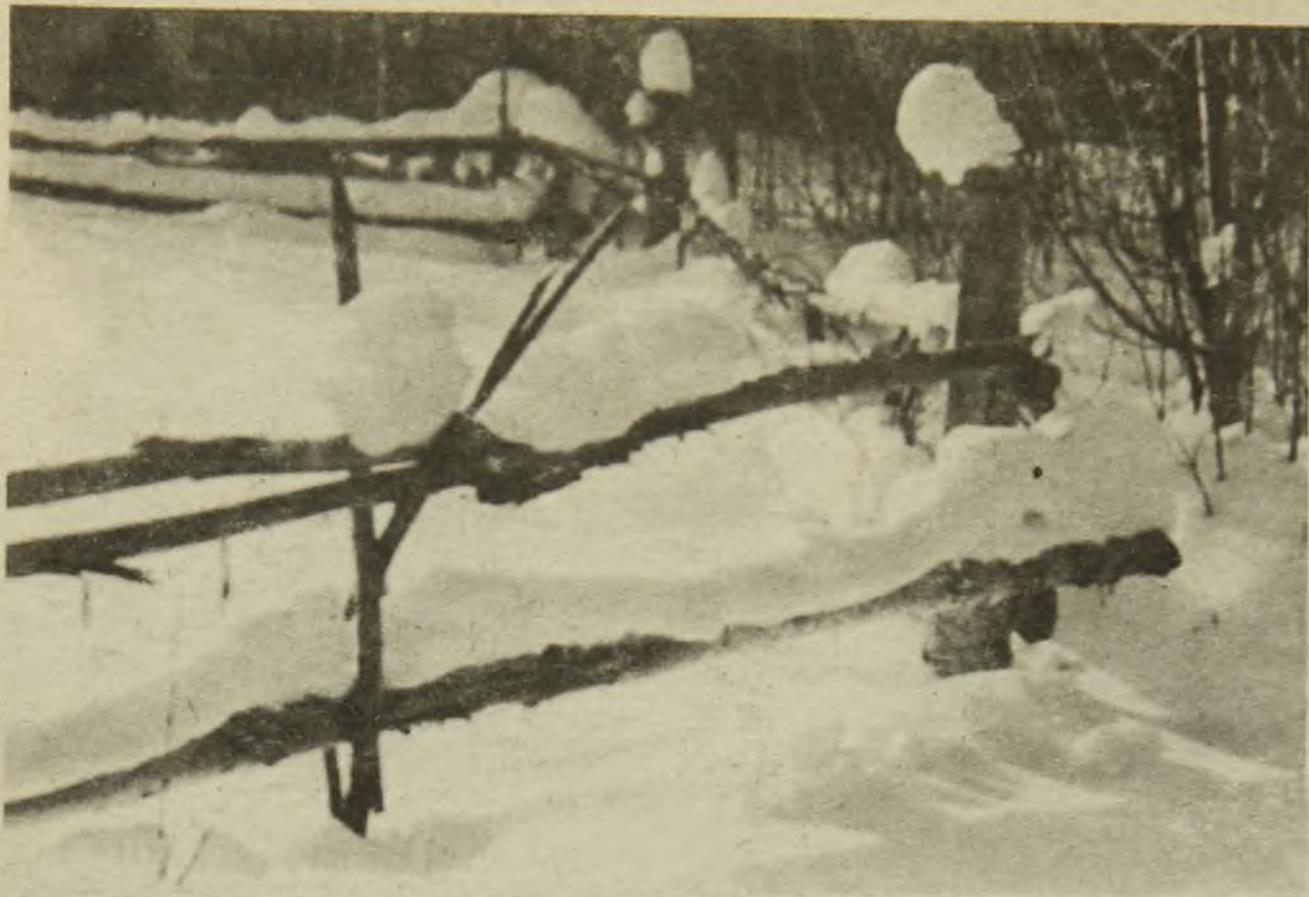

ФОТО Ю. ТРИФОНОВА.

ЮГРА
№ 2 [16], февраль 1993 г.

Издается
с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц

**Редакционная
коллегия:**

В. К. Белобородов
(редактор),

Н. И. Коняев (ответствен-
ный секретарь),

Л. В. Луцкай,

Т. А. Молданова,

Ю. С. Хозяинов.

Технический редактор

В. Г. Куприенко

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журнал зарегистрирован ис-
полкомом Совета народных
депутатов Ханты-Мансийско-
го автономного округа. Ре-
гистрационный номер 7.

Журналы в любом количест-
ве можно приобрести в ре-
дакции.

Подписаться на журнал мож-
но с любого номера в
местном отделении связи. О
случаях отказа в оформлении
подписки просим сообщать
в редакцию.

Сдано в набор 10.01.93 г.

Подписано в печать 25.01.93 г.

Формат 60x84/16. Бумага га-
зетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.

Тираж 2200. Зак. 15.

Цена 10 руб.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800, г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

Историко-культурный журнал.

Учредители — администрация Хан-
ты-Мансийского автономного окру-
га, нефтяные акционерные компа-
нии «Аки-Отыр» и «Югранефть».

В НОМЕРЕ:

И. Менухин. Как сделать мир лучше	2
Эта неуправляемая культура . . .	3
По страницам газеты «Парма» . . .	5
П. Бахлыков. Тревога и боль моя	6
Н. Нялинский. Спасибо добрым сердцам!	10
А. Мухаметова. Картинное письмо	12
М. Заплатин. Некоторые образцы катпосов	14
В. Лазарева. «Сторож грудей» . .	16
Л. Луцкай. Беспокойные руки . . .	19
А. Сургутсков. Как жили в Реполово	22
О. Майорова. Я на открытке твое имя напишу	24
И. Крюков. Дороги моего поколения	26
И. Неклепаев. Демонологические представления сургутян	29
Г. Бардин. Сибирское начало . . .	37
М. Пришвин. Фестиваль	43
С. Сметанин. Стихотворения . . .	44
Б. Зуйков. Еремей. (Глава из романа «Белогорье»	46
А. Тахтуева. Язык природы.	
Шатун	51
Т. Молданова. Орнамент «Шишка»	52
Е. Ерныхова. Изготовление посуды из бересты.	54
Говорите по-мансийски. Урок девятый	56
А. Заев. Топонимический словарь Югры	57
Б. Крупнов. Для тепла в доме . .	58
Н. Патрикеев. Сходные случаи. . .	59
Ю. Гордеев. Сорока.	62

И. МЕНУХИН

Как сделать мир лучше

Сбитое с толку, без какого-либо ориентира в этом безумном мире, Человечество относится течением в Неизвестное.

Мы осознаем ту громаду проблем, которая валится на нас, но никто не знает: куда мы идем? чего мы хотим? что будет хотя бы через десять лет?..

...Человек очень изменился. Некогда его природный гений отражал те отношения, которые он установил с природой, с Богом, с Непознаваемым, со своей специфической культурой. Его чувства и дела были направлены на созидание, для которого он был создан.

Шаг за шагом продвигаясь к своему нынешнему состоянию, человек успешно пользовался всевозрастающими выгодами сотрудничества, которое становилось по характеру своему все более интернациональным и интеркультурным. Он разделил неразделимые до того — задачу и ее выполнение; чувство и его выражение; человека и природу; человека и Бога. Эти «разделения» превратились в табу, которые, в свою очередь, превратились в религию, и, наконец, приняли форму законов...

Культура — это все, что определяет нашу манеру выражения и что отличает одну группу людей от другой. Культура определяет специфическую манеру каждого человека выражать свои чувства, мысли, мировоззрение, свое отношение к другим народам, земле и ее обитателям. Она выражает себя в языке, различных искусствах, системе мышления, манере одеваться, в суевериях и вере, в поэзии, мифах, символах. Она или привязана к одному месту, району, или может «кочевать» на обширных пространствах. Культура исходит от одного центра.

Национализм обращается к силам, которые стремятся свести разные культуры под одно знамя, в рамки одной религии, одного государства, одной церкви. Средством является власть, закабаление, деньги, подавление с помощью военной силы...

Вывод: культура исходит из одного центра и способствует контакту сопредельных культур; власть разделяет.

Мне думается, нужно прежде всего разграничить культуру и власть...

(...) Главное сегодня спасти человека, его семью, детей, достоинство и честь. Для этого нужно объединение с природой, с Непознаваемым, с Богом — только с их помощью мы выживем...

В дополнение к уже существующим палатам парламентов и конгрессов я предлагаю создание еще одной палаты — палаты культур. Туда будут входить люди, не забывшие своих связей ни с природой, ни с Богом; они будут избираться своими народами. Эта палата будет связана с другими палатами, но более чутко реагировать на проблемы настоящего. Между политической и «культурной» палатами должно быть четкое распределение обязанностей. Члены палаты культур не должны испытывать недоброжелательства по отношению к сопредельным культурам...

Естественно, что ни один из уже существующих парламентов не заботит вопрос объединения лучших умов для решения настоящих проблем. Это под силу только Европейскому парламенту — заняться жизненными для человечества вопросами. Нужно подумать о мире, спокойствии, развитии мысли.

Растущий национализм в Европе — это то, что может нас убить...

(Известия, 29 октября 1992 г.)

МЕНУХИН Иегуди (род. в 1916 г.) американский скрипач, музыкальный деятель, мыслитель. Гастролирует как солист, ансамблист, дирижер. Основал школу для музыкально одаренных детей в Англии, организовывал музыкальные фестивали (Швейцария, Англия).

ЭТА НЕУПРАВЛЯЕМАЯ КУЛЬТУРА

Примечательной особенностью последних лет стало оживление культурной жизни и как результат — с а м о з а р о ж д е н и е разнообразных новых явлений. О некоторых из них — таких, как музей в поселке Половинка, школа русской культуры в Сургуте, этнографический музей в Мегионе со специализированной детской художественной школой, газета «Сибирский тракт» в Тюмени, мы уже сообщали в журнале, о других еще предстоит рассказать. Возникновение нового путем самозарождения, а не по составленному где-то наверху плану, с одной стороны, говорит о неистребимой потребности человека в творчестве, на котором и держится культура, а с другой, привносит новые черты в культурный процесс, требующие осмысления.

Цепочка культурных инициатив укрепляет понимание того, что культура строится на основе равноправных, г о р и з о н т а л ь н ы х связей между людьми, а не по чиновной иерархической вертикали — значит актуально и плодотворно развитие именно этого типа связей. В самом деле, чем обогатила, скажем, содержание музейного или библиотечного дела иерархичность его построения? Любопытно было бы услышать аргументы в пользу такой структуры. По нашему мнению, не нужно уже формировать и расформировывать, изжил себя оценщик-администратор. От насаждения — к самозарождению и саморазвитию, от управления — к самоуправлению — вот линия оздоровления культуры.

Одно только понимание этого не избавляет людей, взявших на себя ответственность за то или иное новое дело, от многочисленных препятствий на пути и от зависимости от чиновника. Чтобы облегчить преодоление препятствий и ослабить зависимость, есть одно мощное средство, которое, правда, не так легко привести в действие — с о т р у д н и ч е с т в о. На нем особенно настаивал великий подвижник культуры Н. К. Рерих, одна из его статей так и называется: «Культура — сотрудничество». Когда мы подходим к осознанию неотложной необходимости в сотрудничестве, то сразу обнаруживаем огромное различие между сочувствием и содействием. Первое куда более распространено, оно дается много легче, но сотрудничество начинается только с содействия — совместного действия. И неизбежно встает задача заинтересовать, вовлечь в дело того, кто обнаруживает к нему интерес и видит его ценность.

Сотрудничество, кооперация предполагают о т к р ы т о с т ь культуры; для учреждений, сообществ, организаций естественным является состояние диалога. Гражданскому обществу, которое мы хотим иметь в России, может соответствовать только открытая культура. Разъединенность, резкая очерченность границ идут от монополизма культурных ведомств, считающих себя безраздельными хозяевами каждый в своей отрасли. По сей день не умер еще предрассудок, согласно которому любое культурное начинание должно проходить по тому или иному ведомству, встраиваться в организационную структуру, учитываться, инспектироваться. Монополизм приводит, в конечном счете, к чрезмерному возвышению роли специализации и профессионализма, препятствует вовлечению в культурный оборот накопленных ценностей, умножению творческих связей, которые становятся как бы чем-то факультативным. Но как раз простые практические соображения общественной надобности привели к выводу, что лучший способ сохранить рукопись — опубликовать ее и что уникальность экспоната или документа отнюдь не синоним его недоступности.

Все больше мы узнаем фактов открытости. Не случайно некоторые музеи (сургутский, урайский), не довольствуясь традиционными экспозиционными возможностями, берут на себя еще и функции выставочных залов. В этом же ряду и ежегодные «Словцовские чтения», проводимые областной научной библиотекой и краеведческим музеем. Отрадно то, что и у нас в

округе вынашивается замысел организовать и сделать традиционными аналогичные чтения. Какая замечательная возможность могла бы открыться для сотрудничества разобщенных ныне краеведов и наполнения новым содержанием краеведческого движения!

Говорить об открытости нужно не только применительно к отдельным учреждениям или сообществам, но и к национальным культурам. При этом возникает вопрос о реальном равноправии и взаимоуважении культур, особенно в тех случаях, когда приходят в соприкосновение большие и малые по численности народы. Из них в результате такого соприкосновения наиболее болезненным деформациям подвергаются последние, вся современная жизнь округа — тому подтверждение. Диалог культур в сибирских условиях давно осложнен и вместе с тем выхолощен колониальным способом хозяйствования. Более сильная культура оборачивается при этом далеко не самыми лучшими своими сторонами, т. к. на первом месте в этом контакте всегда экономический интерес в его хищнической форме. Колониальный тип организации жизни не дает русской культуре проявиться во всех ее достоинствах, связывает и ограничивает ее, а культуру коренных народов подталкивает к поиску способов самосохранения.

От культуры, бывшей в недавнем прошлом лишь придатком идеологии, требовалось не ее глубинное содержание во всей своей целостности, а всего лишь фрагментарное сохранение каких-то внешних, вырванных из контекста, национальных черт. Это отношение в полной мере проявилось во многих массовых мероприятиях, приуроченных к юбилеям и знаменательным датам. Способом самозащиты народной культуры от поверхностных стилизаций и прямых искажений часто служит консервация, замкнутость в себе. Но уход в анабиоз, в подполье, в небытие противоречит самому смыслу культуры, ее назначению быть средством жизнеобеспечения и воспроизводства. Ведь слово «культура» в переводе с латыни означает «возделывание, обрабатывание».

Подчинение культуры идеологии привело к крайне зауженному ее пониманию. Возвращение к подлинному смыслу этого слова возможно только через признание примата культуры над политикой, но это не краткий и не тореный путь. А пока мы за разговорами о массовой и об элитарной культуре забываем, что народные ремесла, выработанные веками приемы и способы изготовления орудий труда, предметов быта, знания об окружающей природе — это тоже культура. И если возвратиться от извращенного к истинному понимаю, то мы должны будем согласиться на том, что ничего более совершенного, чем аборигенные культуры, применительно к природным условиям западно-сибирского Севера до сего времени не выработано. А не востребованы они только оттого, что индустриальный тип хозяйствования в принципе не предполагает поддержания равновесия между человеком и средой обитания. Аборигенная же, народная культура всегда отличалась нерасточительностью.

Все, что ныне окружает человека на работе и в быту, создано исключительно индустриальными, а не кустарными технологиями. В этом мире вещей столько ненужного и даже вредного, делающего человека несчастным, убивающего его, что известное сравнение нынешнего вещного окружения со «второй природой» воспринимается как слишком уж приувеличенное. В противоположность этому вся культура малочисленных народов — это кустарные технологии, штучное производство. И если преодолеть стереотипы индустриального общества и возродить эти технологии не для выпуска одних только сувениров, а для удовлетворения насущных жизненных потребностей, то появится серьезный шанс продлить жизнь многих национальных культур, вернуть им творческую энергию, а не только обеспечить физическое выживание народов. И такие попытки дела-

ются. Это, как нам кажется, перспективное начало пути к гармоничному сосуществованию и содружеству культур.

Из сказанного становится ясным, что может объединить людей, в которых живет потребность в творчестве, т. е. непосредственно причастных к культуре. Не совпадение политических воззрений. Не общность партийных, классовых, профессиональных и иных корпоративных интересов. Не стремление властвовать над людьми и не потребительские вождения. Таким объединяющим моментом могут быть только общечеловеческие ценности — все, что направлено на жизнеутверждение. Ведь культура всегда устремлена к созиданию, а не к разрушению. Как в живом организме, в ней «клетки», исчерпавшие свои функции, умирают не насильственной, а естественной смертью, и на смену им приходят новые, молодые, способные к продолжению жизнетворчества.

В автономных округах России

По страницам газеты «ПАРМА»

(КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ).

Окружная библиотека провела двухдневный семинар на тему пропаганды классической литературы. На нем было немало интересного: выступление заведующей методическим отделом Валерии Батуевой об организации выставок классики, экспозиции, представляющие творчество русских поэтов Евдокии Ростопчиной и Каролины Павловой, практическое занятие «Час кроссворда» по творчеству Куприна, конкурс нетрадиционных выставок. В «Литературной гостиной» библиотекари Ирина Гусева и Галина Нилогова провели показательные мероприятия «Воспетые Пушкиным» и «Творчество Марины Цветаевой». Насыщенная программа семинара понравилась и участникам, и организаторам; наиболее изобретательным и инициативным библиотекарям вручены призы.

В номере за 9 декабря прошлого года в статье «Судьба художника» Г. Бажина рассказывает о местном графике и скульпторе Виталии Николаевиче Онькове. Как художник он сформировался на родной коми-пермяцкой земле. Посещал студию изобразительного искусства при окружном музее, преподавал черчение и рисование в школе. Потом поступил на художественно-графический факультет Ленинградского пединститута имени Герцена, на «отлично» защитил диплом и вот уже более 20 лет живет и творит в окружном центре г. Кудымкаре.

Его работы побывали на областных и зональных выставках, в Сыктывкаре, Москве. Вышла книга «Сказание о Кудым—Оше и Переохотнике» с его иллюстрациями. Пермское телевидение сняло получасовой фильм-очерк о самобытном художнике. А недавно по окончании выставки финно-угорских художников в Санкт-Петербурге объединение музеев «Новый Пассаж» приобрело его цветные гравюры «Кудым—Ош» и «Водяной».

Большое духовное богатство создано и собрано художником за долгие годы. Комната в подвале, где он работает, — это уникальный частный музей с редчайшими экспонатами, собранными в поездках по округу. Здесь есть и кованая цепь, и пожарный колокол, и конек крыши деревенского дома, и литье, роспись по дереву... Давно пора, считает автор статьи, предоставить художнику настоящую мастерскую — просторную и светлую.

Тревога и боль моя

П. БАХЛЫКОВ,
директор Угутского музея

По небу медленно плывут ранние кучевые облачка, подчеркивая вечность окружающего мира. Где-то на краю болота поют свою бесконечную горячую песню тетерева, порою даже слышно хлопанье крыльев. На соседней сосне вертится, как мартышка, непоседливая лохматая кукша, не скрывая своего любопытства к появившемуся в ее царстве человеку.

Стою на крутом берегу маленькой таежной речушки, на еле заметной тропинке, которая скорее угадывается по опыту, чем видится на самом деле. Держу в руках древний хантыйский самолов «черкан», который я узрел среди сучьев многовековой ели. Сколько лет тому назад повесил его на этот сук хозяин? Что произошло после? Почему он не вернул к своей ловушке, неоднократно радовавшей его богатой добычей? Недостало сил еще раз пройти по своей извечной охотничьей тропе? Кончилась жизнь? Почему-то не продолжили его путь потомки, и начала зарастать тропа. А может, одиноким был тот человек?

Этот инструмент напоминает мне о хорошем человеке, некогда пребывавшем на суровой земле Югры и не принесшем ей никаких бед, никаких разрушений. Повесил он свое великолепное создание на сук древнего дерева, словно на память, как символ чистоты дел и помыслов своих.

Разглядываю удивительный предмет и поражаюсь простоте и вместе с тем гениальности мышления неизвестного ханты, создавшего этот самолов. Мысленно ухожу в те далекие времена, в истоки жизни лесного народа, окунаюсь в его культуру, духовный мир. И возвращаюсь опять к одному из его представителей. Точнее, возвращает меня эта вещь, которую держу я в своих руках, как великое сокровище, за которым гнался долго и упорно.

И вдруг видится мне, как из-за поворота речки, из-за тальниковой рощи бесшумно, как привидение, выплывает остроносая долбленка, а в ней, попыхивая своей неразлучной спутницей—трубкой, сидит тот старик. Плавно опускает, чтобы не нарушить божественную тишину, свое надежное кремлевое весло. А напротив, в песчаном яру, кося на него своим круглым глазом, копаются глухарь — одна из древнейших птиц, птичий царь тайги. Но вот в это торжественное безмолвие вторгается посвист крыльев ворона. Увидев человека, вещая черная птица громко подала свой голос. Здравовалась, прощалась ли или предсказала судьбу?

В дремучей заводи хлестнула своим могучим хвостом огромная щука, пошла круги на водной глади, в которой закачались, заплясали утонувшие берега, деревья, травы, небо. Одинокий путник вздрогнул, очнулся от своих, может быть, печальных мыслей, вскинул лохматую голову, огляделся. Вынул изо рта трубочку. И запел.

Лилась негромкая вечная песня старика, рассказывающая о его делах, о лодке, на которой едет, о речке, копающемся глухаре, вороне, берегах,

лесе, о многом-многом. Течет тоненькая струйка за кормой, оставляя недолговечный свой след, течет негромкая песенка, все дальше уплывая за поворот лесной кривляющей речки.

Хорошо запомнил лицо того старика и все, о чем пел в ней мудрый человек. Но ведь надо же рассказать, надо показать все это людям, чтобы поняли, что все это было, это правда. Но как? И тут я снова возвращаюсь к мысли, которая посетила меня давно: сотворить музей — место, где можно обо всем поведать, все показать. Музей — это храм искусства, храм истории народа, его культуры, духовного мира. Только войдя под своды храма, человек на время забывает о своем существовании: обнажив голову, стараясь не нарушить музейную тишину, он тихо и медленно погружается в тайны увиденного, в прошлые неповторимые века. Человек открывает здесь удивительные для себя вещи, удивительных многоталантливых людей, которые творили великолепные вещи, большую красоту. Возникают вопросы: как они могли делать все это в такие непостижимо далекие от нас времена? А почему мы не можем? А что я сделал сам? Что могу, умею? Какую принес пользу людям, зачем живу? Помог ли чудным созданиям природы — зверушкам, птицам — или, наоборот, навредил? Вот этим, которые расселись по сучьям за витринным стеклом в музее. А много ли их еще осталось в нашей тайге? Как им живется? Ведь нетронутых лесов сегодня почти нет. А как же дальше? Почему ты, человек, допустил все это, дошел до безумия? Ты забыл, что сам — часть этой природы, что ты вышел из ее тела, ее души, взял от нее разум и стал таковым, каков ты есть. Но где и когда утратил ты свою душу, забыл свою родную мать природу? Губишь ее, губишь младших своих братьев.

Такие, вероятно, мысли приходят к человеку, когда он медленно продвигается вдоль музейных витрин. Многое здесь можно понять, открыть для себя. Выйдет человек из музея повеселевший, удовлетворенный, а может и грустный, опечаленный.

Прошли годы. Годы немалых усилий и поисков, творческого труда. Музей все-таки есть, он работает. На многих людей влияет положительно, заставляет менять свои взгляды на природу, по-иному смотреть на местных жителей — ханты. Но встречаются и такие, которым наплевать на все и вся.

Почему же все так случилось? Где наша культура? Память где? Почему распалась связь времен? Отчего помельчали люди? Оскудели душой, остались без веры, без памяти, кощунствуют? Почему мы стали Иванами не помнящими родства? Неужели мы не обернемся назад? Наверное, пора остановиться, одуматься, вспомнить предков своих — для чего они жили, как? Во что верили, о чем мечтали, как относились друг к другу, к природе?

Но ханты я всегда говорю спасибо. Они, в отличие от некоторых, берегут природу, берегут вещи своих предков, хранят их, как священные реликвии. Благодаря им мы и видим сегодня в наших музеях эти великолепные предметы быта и культуры. Но сознание того, что в быту их уже нет или скоро не будет, наводит на грустные размышления.

Остро стоит сегодня экологический вопрос. Это, пожалуй, одна из главных проблем дня. Вмешательство человека в природу — очень ответственное дело, требующее всестороннего изучения и согласования всех заинтересованных сторон. Ибо один только год неразумного действия обернется неповторимой бедой, для восстановления понадобятся потом огромные средства, а для самовосстановления природы — десятки и сотни лет.

Да, нефть нужна. И коль на радость или беду она оказалась под нами, то добывать ее придется. Но ведь делать это нужно разумно, по-хозяйски, чего нам и не хватает. Раньше леспромхоз считал себя полным хозяином. И что

же? — леса вырубали начисто, сегодня не из чего построить дом! Вплотную к селу подступили пустыри и молодняки. Сегодня нефтяники считают себя тоже хозяевами, но какие они хозяева, если им лишь бы нефть добыть, а после хоть трава не расти. И не растёт!

Оказался под угрозой единственный регион в Западной Сибири, где возможен соболиный промысел. А ведь по соболиному следу была открыта Сибирь. Соболь мех носит вся Европа со средних веков. Соболий мех — мягкое золото — выручал в военную тяжелую годину. А сегодня, как ни странно, об этом бесценном зверьке не ведется и речи, хотя дамы господ нефтяников ходят в соболях. Наши юганские места являются единственной соболиной житницей Западной Сибири, но эта нива до крайности истощена. Боюсь, что соболя постигнет такая же участь, как и бобра, и он скоро перестанет радовать глаз охотника.

Если все пойдет так, как сегодня, то наши потомки будут с величайшим благоговением смотреть на флору и фауну лишь в наших музеях (если

таковые еще останутся). И все же я надеюсь, что образумятся, наконец, люди. Должны образумиться. Станем мы истинными хозяевами. Залечит трудные свои раны земля. Восстановится природа.

Все наши беды и несчастья — от невежества и бескультурья, а значит нужно повышать культуру наших людей. Тут многое утрачено безвозвратно, но что-то можно наверстать. Нужно музейное дело поднимать и развешивать повсеместно и средств для этого не жалеть. Все затраты окупятся с лихвой пониманием красоты, чистотой душ людских, хорошими делами.

...И вот опять я стою на том же месте, что и несколько лет назад, но не узнаю уже того райского уголка. Давно не поют свою красивую песню тетерева, не шумит, не буйствует древний могучий лес. Не течет вечно, как когда-то казалось, журчавшая речка. Кругом черные, мертвые гари и искореженная, изувеченная тракторами больная земля. И я протягиваю руки к небесам и молю господи... Всевышний! Покарай несчастных безумцев, кои обесчестили землю нашу! И вразуми того, кто сегодня собрался идти по этой раненой земле.

Рис. автора.

СПАСИБО ДОБРЫМ СЕРДЦАМ!

Около трех лет назад распахнул двери для первых посетителей Лянторский этнографический музей. Ответ на вопрос: «Кто стоял у его истоков?» в какой-то степени дает Почетная грамота, что висит сразу же у входа в экспозиционный зал:

«Отдел культуры Сургутского райисполкома награждает Куликова Александра Михайловича — мастера треста стройплощадки «Эстсургутдорстрой» за подвижническую творческую работу по созданию этнографического музея жителей коренной национальности ханты на территории поселка Лянторский. Зав. отделом культуры Сургутского райисполкома Кучебитова. 21 мая 1987 года».

Директор музея Андрей Андреевич Комф и старший научный сотрудник Виктор Владимирович Жеглов рассказали мне о человеке, с которого, собственно, и начался Лянторский этнографический.

Мы часто говорим и пишем, причем, совершенно справедливо, о бездушных монстрах командно-административной системы — разного рода трестах, экспедициях, объединениях, что в погоне за высокой прибылью уничтожают на своем пути все живое, разрушают жизненный уклад аборигенных народов. И о том, что эти монстры приводят в движение человек. Но не всегда, к сожалению, помним о том, что человек человеку рознь. Один с легкостью необыкновенной, не задумываясь о последствиях, проведет тяжелый вездеход по заброшенному стойбищу ханты или манси. Другой — объедет, а то и остановится, подойдет с почтением. Как Куликов Александр Михайлович. И таких, как он, по-видимому, большинство в тресте «Эстсургутдорстрой». Если пройтись по так называемому «эстонскому поселку» в Лянторе, можно увидеть старые хантыйские избушки, землянки, лабазы. Эстонские дорожники сохранили эти строения. И тем самым оставили по себе добрую память. А Александр Михайлович Куликов, гражданин Эстонии, сам еще, по-видимому, не мечтая даже о каком-то музее, с 1982 года стал буквально откапывать из-под земли старые вещи и предметы быта ханты. Они и стали впоследствии первыми экспонатами музея. А до того, как попасть в экспозиционные залы, долгое время хранились в квартире Александра Михайловича, а затем, когда их накопилось уже предостаточно, опять же по ходатайству Куликова — в помещении треста. Вопрос о музее решился только в 1989 году. Помог хантыйский писатель, народный депутат бывшего СССР Еремей Данилович Айпин, за один день разрешивший вопрос об открытии финансирования строительства здания.

Имя еще одного человека — Анатолия Николаевича Субботина, старожилы из Пима, с благодарностью произносится в стенах Лянторского музея... Прочитую одно из писем, хранимых сотрудниками:

«Председателю поселкового Совета Воронину В. А.

Житель поселка Лянторский Субботин А. Н. по собственной инициативе организовал небольшой музей, в котором собрал чучела птиц и зверей, обитающих в Сургутском районе. У Анатолия Николаевича есть также предметы быта ханты, которые не выставлены из-за недостатка места. Музей посещали школьники и другие жители поселка. Прошлым

летом там побывали сотрудники антропологической экспедиции Томского университета. Анатолий Николаевич делает доброе и очень важное дело, учит людей охранять природу, воспитывает уважение к коренным жителям края и их древней культуре. Ваш поселок может гордиться таким энтузиастом, как Субботин. Убедительно просим Вас оказать содействие Субботину в его благородном деле, помочь ему средствами, найти достойное помещение для музея, выделить художника для оформления экспозиции.

С уважением, Черняк. Зав. проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири, кандидат исторических наук».

Мудрый человек, рыбак и охотник, теперь уже, к сожалению, почти полностью утративший зрение, изготовил и безвозмездно передал открывшемуся не без его помощи музею более сотни чучел животных, рыб, птиц. Он, по признанию нынешнего директора Андрея Андреевича Комфа, и по сей день является «главным консультантом и советником» коллектива музея.

Сегодня здесь насчитывается свыше 2000 экспонатов, но работает музей еще вполсилы, так как со временем стены оказались тесными. И опять музей обратился за помощью к управляющему трестом «Эстсургутдорстрой» Яну Яновичу Коллисту. И на этот раз помогли лянторцам эстонские строители. Они разработали проектно-сметную документацию, уже соорудили два пристроя к существующему зданию, приступили к отделочным работам. Думается, к выходу в свет этого номера журнала новый музей шире распахнет свои двери для посетителей. Откроются новые залы флоры и фауны, краеведения, прикладного искусства. А пока завершаются отделочные работы в пристроях, сотрудники музея не сидят на месте сложа руки. Со спонсорской помощью малого строительного предприятия «Контур», который, кстати, возглавил бывший председатель поссовета Воронин В. А., устраивают передвижные экспозиции по школам молодого города, выезжают в стойбища к рыбакам и охотникам, ищут и находят новые экспонаты и новых друзей, мечтают об открытии при музее мастерской по изготовлению национальной одежды и украшений из бисера.

Директору и старшему научному сотруднику музея, как и большинству сотрудников этого коллектива, чуть за тридцать. Андрей Андреевич и Виктор Владимирович — профессиональные историки, знакомые с археологией и этнографией, бывшие педагоги, и пришли они в музей вовсе не случайно. У них много интересных задумок. Удастся ли их осуществить? Покажет время.

Но сейчас с прекрасными впечатлениями от увиденного в музее уходят местные жители, уезжают гости города, в том числе иностранные — французы, англичане, швейцарцы. О чем свидетельствует хотя бы вот эта выхваченная наугад запись из Книги посетителей: «Большое спасибо энтузиастам, которые начали благородное дело знакомства с культурой, бытом, образом жизни местного населения. Спасибо светлым умам и добрым сердцам, собравшим, сделавшим все экспонаты. У нас осталось большое желание посетить ваш музей еще раз, после завершения реконструкции...»

Н. НЯЛИНСКИЙ.

КАРТИННОЕ ПИСЬМО

Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в сложном характере хантыйской культуры. Стойбище. Здесь живут 3—4 родственные семьи. На любом таком стойбище, возле каждого хозяйственного амбара можно увидеть большие куски бересты, кузова, набирки, куженьки... Вот доносится аппетитный запах из хлебной печи. Хозяин сидит и умело орудует ножом, ножны орнаментированы узором. Рядом меховая ягушка, нитки—сухожилия. А в переднем углу его жилища — домашний бог-хранитель и перед ним — ящик, куда кладут обещанные ему подарки.

Язык хантов уводит в Венгрию, деревянная посуда и шаманская одежда — на Алтай, печи — в Среднюю Азию, курительные трубки — в Иран, меховая одежда — к сибирским ненцам, плетеные коробки — к корякам. Но все это объединяет изобразительный язык.

Картинное письмо, или пиктография, родовые знаки, изображения — что это такое? Чьи руки выполняют эти замысловатые элементы? Точка, за ней следует палочка. А если это две палочки, параллельно расположенные — похоже на двух человек. Безграмотные в целом, эти люди хорошо умели объясняться символами, знаками, рисунками. Родовые и семейные знаки иначе называют «тамги». Еще в начале нашего столетия ханты, оставляя в тайге шкурки убитых на охоте животных или другие ценные вещи, вырубали на ближайшем дереве свою тамгу, будучи уверенными, что никто посторонний, увидев знак, не прикоснется к вещам. Сюжетные рисунки изображают животных, человека, деревья, небесные светила, предметы.

Рис. 1. Картинное письмо-пиктография.

— «падеж оленей»

— кружок с 6 ножками —
«заели блохи оленей»

— все в порядке! Олени
целы

Сюжетные рисунки оставлялись на деревьях в виде палочек и кругов, это тоже язык предупреждения, язык общения.

Как расшифровать рисунок 2, повествующий об охоте на медведя? Трое охотников с тремя собаками убили медведя. Последний изображен в виде отдельных элементов, не связанных между собой общим контуром. Все вместе представляет собой предупредительное письмо другим охотникам о святом месте. «Пишется» оно так: сначала с дерева снимают часть коры, затем топором делают на стволе насечки, в них иногда втирают уголь или землю.

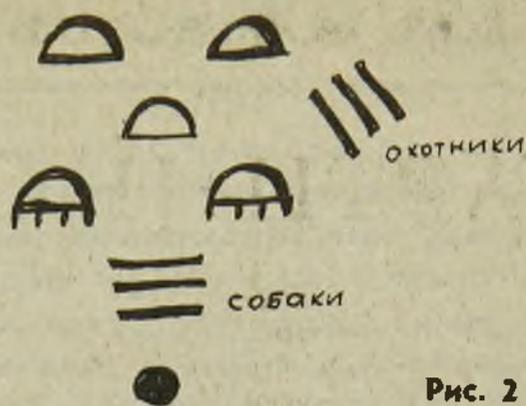

Рис. 2

Рис. 3

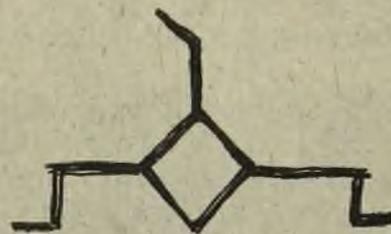
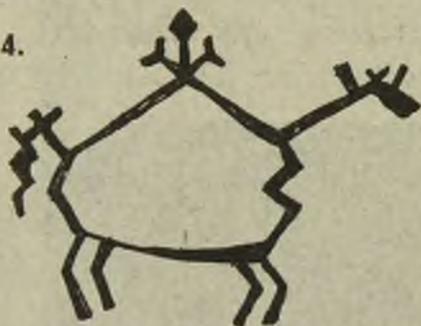

Эти изображения посвятили тому духу, лицо которого было вырезано на дереве.

Попробуем объяснить и это изображение. На старой лиственнице вырезано лицо человека, затем четыре вертикальных зарубки с утолщениями на верхних концах — это охотники. Следующие четыре зарубки поменьше обозначают собак.

В искусстве изготовления одежды, утвари женщины использовали бересту, и мех. Для украшения предметов также использовали картинное письмо. Например, на жертвенных одеждах часто встречаются знаки, символизирующие всадника и оленя.

Рис. 4.

Изображение птицы.

Изображения всадников на изделиях из меха и бересты.

Я затронула только одну область — наверное, самую первую в изобразительном языке, в которой с помощью кривых и прямых линий, палочек, точек люди понимали друг друга. Далее идет орнамент, изобразительное мастерство.

Если рассмотреть рисунки на бересте, то часто они представляют собой либо силуэтные, либо контурные изображения.

На детской берестяной колыбели это может быть тетерев — хранитель детской души или символическое изображение березовой ветки в виде орнамента. Изучение орнамента как знакового письма очень важно, потому что в нем — история народа.

А. МУХАМЕТОВА,
директор детской художественной школы
с этнографическим уклоном, г. Мегион.
Рис. автора.

НЕКОТОРЫЕ ОБРАЗЦЫ КАТПОСОВ

Катпос — это знак руки охотника. Дословный перевод с мансийского: кат — рука, пос — знак, метка. Своеобразная подпись конкретного охотника, в группе старшего. Вырубается на стволе дерева у места добычи зверя или стоянки (ночевки) людей. Встречаются катпосы таких начертаний, как показано ниже. Есть и другие вариации.

Рис. 1.

Вот как прочитывается содержание двух катпосов, изображенных на фото 1 и 2.

На первом снимке — УЙЛАГЫЛ (нога зверя). На стволе вырублено изображение ноги лося с копытом. Это так называемая «картинная письменность», которая сохранилась у мансийских охотников с тех далеких времен, когда этот народ не имел письменности в привычном понимании. Изображение ноги, катпос и черточки раскрывают основу события: здесь добыли лося. Вверху — катпос старшего

Фото 1.

Фото 2.

охотника, наклонные полосы посередине означают, что было два охотника, а нижние горизонтальные сообщают о числе собак. Изображение в целом — это и знак охотничьей доблести, и своеобразный способ учета добытых зверей.

Фото 2 — здесь зафиксирована просто метка на месте стоянки. Две верхних полоски — два человека. Посередине — катпос Анемгурова Николая Васильевича, жителя таежной речки Ворьи (Березовский район). Две полоски внизу — число собак, которые были с людьми.

Такие же письма в картинках составлялись охотниками на местах добычи других зверей. На рис. 2 — УЙХУРИ, т. е. изображение зверя, развернутая в плане шкура медведя (уй — зверь, хури — изображение). Рисунок расшифровывается так: здесь добыли медведя, было трое охотников, один из них — старший, им помогали три собаки. В медвежьей охоте, как наиболее серьезной и опасной, главная роль отводится старшему, более опытному «медвежатнику».

Рис. 2.

Рис. 3.

Такое же уйхури вырубается при добыче росомахи, выдры и др. Например, рис. 3 сообщает нам, что здесь добыли росомаху, в охоте участвовали два человека и две собаки. Посередине — катпос старшего. Хотя успех может выпадать и на долю более молодого стрелка. Думаю, в таких случаях дозволительно ставить катпос того, кто своим метким выстрелом закончил охоту, независимо от возраста.

М. ЗАПЛАТИН.

Рис. и фото автора.

«СТОРОЖ ГРУДЕЙ»

По среднему течению великой Волги и ее притокам среди основной массы русского населения издавна живут одни из представителей финно-язычных народов — марийцы.

Частицей их богатой культуры является верхняя нарядная распашная одежда — шобыр, находящийся в экспозиции Мегионского историко-этнографического музея. Он был привезен в дар из деревни Аначево (Башкирия) Давлятовой А. Б.

Одежда марийцев в XIX веке была исключительно домашнего производства. Материалом служили белый холст и грубое домотканое сукно. В начале XX века мужской костюм под влиянием одежды соседних народов подвергся изменениям, в то время, как некоторые формы женского костюма оставались неизменными. Традиционная рубаша туникообразного покроя продолжала оставаться основной одеждой. По вышивке на рубаше можно было определить, из какой местности ее хозяйка. Так, рубашки луговых мариек покрывались полосами красочной вышивки на груди, рукавах, спине, подоле и по швам. Вышивка же горных мариек была скромной, темных тонов. Причиной этому было то, что мастерицы добавляли в домашнюю ткань хлопчатобумажную покупную нитку, благодаря чему ткань становилась тоньше, но вышивать по ней было труднее, чем по конопляной материи, и рисунок получался мелким и невыразительным.

Поверх рубашки надевался белый холщевый распашной шобыр. Представленный в нашей экспозиции, он имеет удлиненные рукава, обшитые материалом голубого тона. По поясу и подолу шобыр украшен полосами красного

и черного материала. Между полосами нашиты мелкие кружочки из плотного драпа. Вставки из разноцветной материи украшают нижнюю часть подола. Самый низ обшит неподогнутой полосой материала белого цвета, испещренного мелкими контурами прямоугольничков. Помимо белых, носили шобыры из домашней крашенины темных тонов, а также фабричного материала, преимущественно черного цвета. Черный шобыр получил со временем широкое распространение и сохранился до наших дней.

Своеобразным украшением рубашки служил передник с грудкой, который был заимствован марийками у русских и прочно вошел в комплекс их традиционного костюма. Впрочем, фартуки в Кокшайско-Приволжском районе, даже домашнего изготовления из холста, с вышивкой, не были характерны для женского костюма, как, например, у горных марийцев. Обычно грудка украшалась поперечными полосками из лент, кружев и фактически заменяла нагрудную вышивку рубашки. Основная часть передника сшита из материи желтого цвета и украшена одним из самых древнейших орнаментов — «лягушка», который был распространен у жителей Древнего Египта, Месопотамии, индейцев Южной Америки. Передник украшен ромбовидной вышивкой из шерсти самых невероятных цветочных сочетаний и ярких оттенков, по его краям — целая россыпь мелких и нежных по цвету квадратиков.

В мужской и особенно женской одежде важнейшую роль играла декорировка вышитым и тканым узором. У кокшайско-приволжских марийцев на рубашках преобладала так называемая ковровая вышивка, состоящая

в том, что узоры сплошь покрывали материал, не оставляя просветов. Вышивали марийские женщины с изнанки по счету нитей. Сначала наносили контур узора черными или темносиними нитками, а затем заполняли его сплошными стежками.

Вышивание было очень кропотливым делом, требующим большого навыка, поэтому крестьянки старались как можно раньше научить своих дочерей искусству вышивания, чтобы они до замужества успели накопить себе рубах для приданого и для подарков родственникам жениха во время свадьбы. Неумение вышивать считалось самым большим недостатком девушки.

У моркинских марийцев существовали возрастные различия в нагрудной вышивке женских рубах. Они отсутствовали на детских рубахах; на подростковых рубашках были расположены небольшие кружочки, квадратики или крестики; на девичьих рубахах их заменяли небольшие острые уголки. В женских рубахах они сильно увеличены и развиты. (Крюкова Т. А. Марийская вышивка. Л., 1951 — с. 18—19). Орнаментальные мотивы нагрудных вышивок на женских рубахах назывались «чызе орол» — «сторож грудей».

Одни и те же мотивы вышивки при повторении их в узоре никогда не решались одинаково. Народы Поволжья и Прикамья в совершенстве владели множеством швов, иногда очень сложных.

С каких времен известно искусство вышивки?

Корни орнамента народной вышивки уходят в глубокую древность. В нем сохранялись следы того времени, когда люди одухотворяли окружающую природу и, помещая на своей одежде и предметах быта изображения солнца, древа жизни, птиц, женской фигуры, как символов жизненной силы, счастья, плодородия, верили, что они принесут в дом довольство и благоденствие.

С течением времени у каждого народа складывался определенный характер построения орнамента, его колорита, становились излюбленными

те или иные мотивы. В то же время в орнаментике вышитых изделий, например, русских и финно-угров, веками живущих рядом, наблюдается много общего.

Орнамент марийской вышивки отличается большой узорностью, сложной разработкой фигур, изяществом, обилием крючков, завитков, скобочек, ресничек, сочетанием плотных, почти ковровых узоров с более тонкими графическими. Для марийской вышивки характерно исключительное разнообразие геометрической орнаментики, обогащенной растительными и животными формами (мотивы птиц, коней, оленей, собак, женских фигур), переданными в очень обобщенной трактовке.

Костюм традиционно дополнялся головным убором, которого, к сожалению, мы не имеем. У санчурояранских марийцев им была **сорока**.

Луговая марийка в шумакше и подном наборе шейных и нагрудных украшений.

Первое письменное упоминание о сороке у марийцев содержится в документе 1791, в котором говорится о раздаче женам новокрещенцев 30 сорок, «шитых шелком», и 30 волосников «выбойчатых». У марийцев сенкурской группы бытовал оригинальный головной убор «шимакш» — полотенце, конец которого, надеваемый на голову, сшивался на манер башлыка. Часть полотенца, спадающая на спину, богато орнаментировалась примыкающими друг к другу узорными полосами, в которых фигуры орнамента выделялись белыми контурами на фоне, зашитом черными или темно-коричневыми нитками. Головное полотенце моркинской группы марийцев

удерживалось на голове узкой узорной лентой — «машмаком». Оба предмета богато украшали вышивкой с разнообразными геометрическими и зооморфными мотивами. Девушки не имели специальных головных уборов и покрывали головы только платками.

Женский наряд в праздничные и другие торжественные дни дополняли разнообразные украшения, состоящие из монет, бисера, раковин-каури, лент. Очень красивое нагрудное украшение имеется в нашем музее. Оно представляет собой тесемку с нанизанным разноцветным бисером и монетами, преимущественно 70—80-х гг. XIX в. Двадцать серебряных монет, причем две старинных, что у нумизматов называются «лепесточками» — из древних польских кладов.

Крестьянские семьи, не имевшие возможности справиться такое украшение, ограничивались небольшим числом монет, остальные занимались имитациями. Украшения для женского костюма марийцев изготовлялись местными кустарями. Бисер, раковины, оловянные бляшки покупались на ярмарках у бродячих торговцев.

Постепенно под воздействием русских стали наблюдаться некоторые изменения в традиционной культуре. Развитие местных рынков привело к тому, что марийцы стали покупать хлопчато-бумажные нитки и добавлять их в льняные ткани, а некоторые ткани целиком изготовляли из покупных ниток. Под русским же влиянием стала изменяться вышивка, особенно на рубахах. Широкое распространение получила вышивка крестом, которая вначале сочеталась с традиционной марийской вышивкой, а потом постепенно ее вытесняла.

В. ЛАЗАРЕВА,
хранитель фондов
Мегионского музея.

Рис. А. МУХАМЕТОВОЙ.

1. Луговая марийка в традиционной будничной одежде.
2. Луговая марийка в сороке.
3. Луговая марийка в платке, покрытом поверх сороки.

БЕСПОКОЙНЫЕ РУКИ

ДОМ, где живет семья Савинцевых-старших, найти нетрудно. В Реполово все на него покажут. Сразу же изумляет ограда: она — как летняя зеленая лужайка с белыми лебедями. А потом — парадный вход.

— Такой дом, — сказал мне Николай Васильевич Савинцев, — можно построить тогда, когда время есть. Думал я о нем всю жизнь. И строил долго. И сейчас все время достраиваю, что-то добавляю, если не нравится — переделываю. Сейчас вот фронтоны буду менять.

Не сразу он таким мастеровым стал, хотя с детства многое взял у отца. Это была школа крепкая, основательная. Николай Васильевич учился у отца всему каждодневно и соображал, почему один становится хорошим хозяином, а другому все что-то мешает.

Савинцевы, Василий Иванович и Мария Матвеевна, отец и мать Николая Васильевича, появились в деревне Заводные как спецпереселенцы. И дом, и хозяйство заново налаживали, и детей поднимали. И смогли сделать главное — в детей своих вложили то, чем сами владели и что у них никакой силой не смогли отнять. Богатству этому простое название — трудолюбие. И Николай Васильевич вместе с женой Ефросиньей Федосеевной, в свою очередь, сумел передать его детям.

— Чтобы в доме достаток был, потрудиться надо, — говорит Ефросинья Федосеевна.

Она разговаривает со мной, а сама прядет пряжу. И нитка у нее из-под пальцев ручейком течет.

Внуков у Ефросиньи Федосеевны немало, только у одной из дочерей — восемь детей. Ясно, что бабушкины носки да варежки им всегда очень кстати.

— Ну так вот, — Ефросинья Федосеевна улыбается. — Мы чем можем, тем и помогаем детям. Но они с нас ничего не спрашивают, а нам стараются помочь. Мы же большое хозяйство держим.

Пришло время задать корм овечкам, бычку, лошадям, подоить корову, и Ефросинья Федосеевна, привычно накинув на себя платок, фуфайку, вышла управлять по хозяйству. Николай Васильевич и сам может управиться, но Ефросинья Федосеевна должна непременно посмотреть, как чувствует себя домашнее стадо, поговорить со всеми. Она убеждена, что женский догляд необходим. Да и вообще женщина в доме — это прежде всего уют и порядок. Что бы там ни приходилось во дворе делать, а в доме у Ефросиньи Федосеевны всегда чисто и прибрано. Много солнца, у просторных окон стоят цветы. Здесь любит хозяйка посидеть, попрясть, повязать. Включено радио, чтобы знать, что в мире происходит. В окно тоже многое видно. Это уже события местного значения. Вон дети на горке катаются, гомонят, смеются, ссорятся, мирятся. Добрая половина ребятшек — внуки Ефросиньи Федосеевны. Набегают на улице — обязательно к бабушке забегут погреться. И для них всегда готов у нее чай горячий, а к чаю что-нибудь вкусненькое. Благо, умеет и любит заниматься Ефросинья Федосеевна заготовками на зиму. Вот и открывает внукам то банку со смородиной, то банку с вишнями.

Николай Васильевич все больше во дворе. Здесь у него мастерская,

здесь его основная работа. А зайдет в дом обогреться и просит Ефросинью Федосеевну чаю с ним попить. Непривычно одному, всегда в доме народу полно было, всегда было о ком позаботиться. Пока что-то мастерил, думалось об одном, о другом, теперь вот вслух расскажет Ефросинья Федосеевна.

Годы, понятное дело, изменили их обоих, но Николай Васильевич не замечает этого. Он видит перед собой все ту же прекрасную женщину, которую нашел еще в 54-м году. Было это за Салехардом, и был Николай Васильевич молодым красивым капитаном. Поженились, решили, что жить лучше рядом с отцом, да матерью. Так после некоторой разлуки снова вернулся Савинцев в свои Заводные, и начала расти его семья. Сейчас, вспоминая, что было, как было, Николай Васильевич чувствует, как ушли куда-то незначительные события, печали, обиды. Не хочется думать о плохом. И жизнь, сколько ее уже прожито, очень удалась, считает он.

Дети у них хорошие. Николай Васильевич перечисляет, кто кем работает; есть и бухгалтер, и начальник почты, и доярка, и библиотечкарь. Это о дочерях. А сын Василий в школе работает, учит ребятишек труду. Он, как и отец, мастер на все руки. Не так давно трактор собрал. А с деревом чудеса творит.

— Вот посмотрите на ларец, — предлагает Ефросинья Федосеевна. — Очень он мне нравится, весь в кружевах резьбы. Это подарок сына. Держу в нем всякие клубочки для вязания, и так это удобно, что нарадоваться не могу. А недавно он своей дочери сделал карету на санях. Глаз оторвать трудно, так она хороша. Большая любовь у него к этому делу. И ребятишек в школе учит и с деревом работать, и с металлом.

Да, задумаешься: что есть красота и почему стремится душа к красивому! Не все ли равно, в каких санях возить дочку Савинцеву-младшему! Не все ли равно, в чем хранить клубочки для вязания Ефросинья Федосеевна, с каким кузовком ходить Николаю Васильевичу в лес по ягоды! Ну, конечно, не все равно! И как хороши, как самобытны все вещи в доме Савинцевых. Даже солонка на столе не куплена, а сделана своими руками.

— Работа это небольшая, но без умения ничего не выйдет, — Николай Васильевич подробно объясняет, как работать с берестой. — До всего я сам дошел. Думал, попробовал и понял, что и как делать. Вот, к примеру, печку сложить сейчас для меня нет проблем. Но чтобы понять все, я полгода ходил к одному печнику. Так ведь он песком высыпал кладки и тут же все разрушал. Запомнишь — хорошо, а на нет и суда нет. И сложил я свою первую печку. Теперь вон и в Реполово и в Сибирском просят печи сложить.

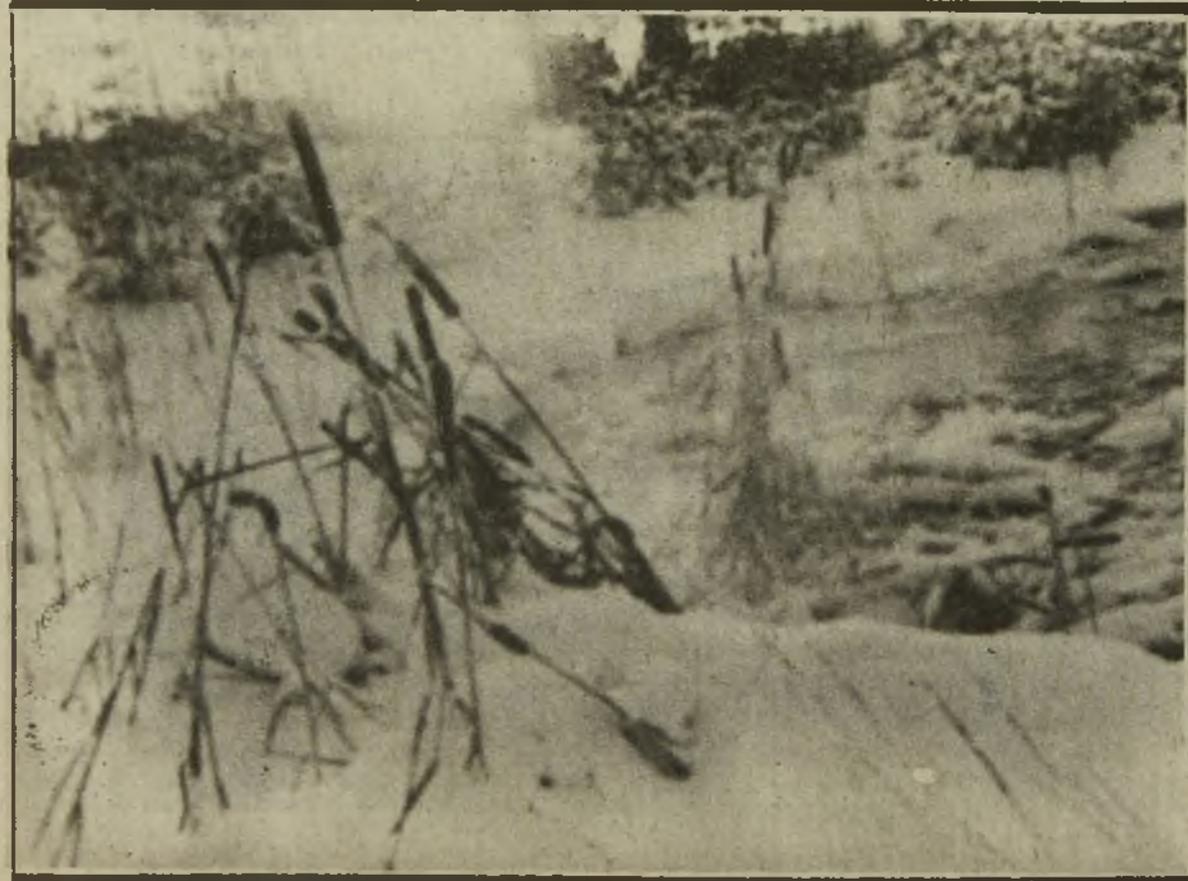
Сейчас у Николая Васильевича мечта — собрать трактор. Маленький, шустрый, юркий, чтоб в любой деревенской работе был помощником. Конечно, он соберет свой трактор. И будет мечтать о чем-то другом, потому что мыслям его нет предела. Даже на рыбалке набирается он мудрости, становится мягче, добрее.

Ефросинья Федосеевна, не меньше Николая Васильевича и лес любит, и речку, а уж про домашнюю живность да огород и речи быть не может — это ведь тоже природа. И большую радость получает она от всего, чем владеет. Взять хотя бы огород. Вырастить свои арбузы, дыни, огурцы, помидоры и всякую всячину! Цветов сколько под окнами! И опять же — еще одна возможность с соседями хорошие отношения строить: семенами обмениваться, советами. А Ефросинья Федосеевна всегда с участием к людям относится.

— Как я могу быть спокойной, если у соседей несчастье! Да я всю свою семью на ноги подниму, чтобы помогли людям, откликнулись. Но люди сейчас стали замыкаться в себе, а в душу как полезешь! Но я за всех переживаю и хочу, чтобы всем было хорошо.

Так понимает жизнь Ефросинья Федосеевна. А в понимании Николая Васильевича жить лучше — значит располагать чем-то, что могло бы душу согреть. Его душу греет неустанный труд, несущий радость. Как-то пришлось Николаю Васильевичу по просьбе воспитателей детсада Тамары Николаевны Воронцовой и Тамары Ивановны Сургутской делать модель деревенской избы. В миниатюре он выстроил и избу, и все ее убранство. Здесь люлька была подвешена, полати установлены. Мастерил Николай Васильевич, а душа пела оттого, что теперь не только он, но и все ребятишки в Реполово знать будут о прежнем деревенском укладе, и внуки его соприкоснутся со стариной. Ведь они помогали деду в изготовлении избы, радовались и восхищались его ладной работой. А уж вопросов назадавали! И отвечать на них Николаю Васильевичу было любо.

А сейчас занят Николай Васильевич тем, что помогает устроить быт своим детям. Всем дочерям и сыну построил уже дома. Ясное дело, что не один, а с бригадой, благо в бригаду есть кого брать — и зятя, и сын готовы с отцом работать! Теперь уже все дети живут своими домами. У зятя в Сибирском нужно отделку завершить, веранду достроить. Но это уже не так много. А ведь даже к мысли прийти, что надо строить дом, страшновато. Большое это дело, но Николай Васильевич уверен, что при желании каждый на него способен. Правда, если из бревен строить, то это наука, нужно быть мастером, а если брусовой, то и делать нечего. Так говорит мастер. Сейчас Николай Васильевич свободно может вздохнуть — все дома построены. Но как художник, как мастер он видит, что можно сделать их еще лучше, красивее.

● Февральские морозы. Фото В. НАЗАРОВА.

КАК ЖИЛИ В РЕПОЛОВО

ДО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ каждый в селе жил своим хозяйством, у каждого была своя «вотчина». У нас была речка Бобровка и примыкающие к ней местности, у Пластиных — район реки Конды. Видимо, вотчина переходила из поколения в поколение. Никто посторонний не имел права появляться и что-то делать там.

С приближением весны становится больше солнечных дней, начинают притаивать дороги. Затем темнеет лед, появляются забереги — это признак приближения ледохода. Ледоход на Иртыше всегда был бурным и шумным, на ярах после него оставались торосы высотой до 4—6 метров.

Отец с дедом каждую весну по льду тащили на весновку груженные сетями и продуктами лодки в район р. Бобровка на протоку Варовая, где была избушка. Затонина и заливы в этом районе освобождались ото льда намного раньше, чем река. Сети ставили на якоря и буйки. Ловили нельму, язя, щуку, сорогу и другую рыбу.

Мне уже было 10 лет и я всегда ездил со старшими, куда бы они не поехали. В школе меня весной отпускали рано и разрешали приходить на занятия позже, но бывало трудно, так как надо было класс догнать.

Как правило, после ледохода погода портилась, дул свежий ветер и по небу плыли тяжелые свинцовые облака. Временами пролетал снег, напоминая о зиме. Редко еще проглядывало солнце. На реке в эти дни при разливе всегда шла крупная волна с белыми барашками. И вот в этот период приходилось увозить рыбу в деревню, сдавать в рыбкооп пока она свежая. Реку переваливали выше или ниже деревни, где волна была слабее.

В те времена ружей в деревне почти не было. Я имел двуствольное ружье шестнадцатого калибра, подаренное моим дядюшкой — лесничим. И вот когда с отцом ехали на лодке, мне очень хотелось выстрелить, т. к. птицы была тьма тьмуца и подпускала она очень близко, но он мне никогда не разрешал пугать птицу и рыбу. Когда ехали на лодке (обласке), старались грести осторожно, не стучать, соблюдая тишину.

После окончания весновки начались заготовки дров на зиму, готовили 12—15 сажен.

В июле месяце начинался сенокос. Мы сена ставили вчетвером 25 стогов по 25—30 копен каждый.

Весной на лугах — там, где была «ветошь» (прошлогодня нескошенная трава), зажигали палы, но следили за выжиганием строго, особенно если близко был бор; делали канавы, заполняя их водой.

По окончании сенокоса осенью в таежной речке Бобровке занимались охотой и рыболовством. Ехали по речке вверх около 3 километров, затем, оставив лодки, шли по телефонной просеке 3—4 километра, сворачивали к речке и через 1,5—2 километра выходили к избушке (зимовью). На перекатах делали запоры и в оставленные для прохода рыбы окна ставили сплетенные из прутьев морды. Ловили щуку, окуня, ерша и горного чебака-мегдыма. Морды плели обычно вечерами.

Для ловли глухаря вырубали лес на осыпях, где было много гальки. Ставили пленицы из конского волоса, иногда их ставили с журавлем, чтобы глухаря не съедали зверьки.

Когда ходили по тайге, мне было разрешено стрелять рябчика и другую дичь. Если не попадались рябчики, все равно надо было делать выстрелы, чтобы хозяин тайги медведь и рысь, которых было очень много, уходили дальше. Рябчика в бору ловили силками, используя в качестве приманки калину.

После окончания таежных промыслов занимались рыбалкой — так называемым подледным ловом. Были выдолблены проруби и ставили по 4—5 провязов поперек Иртыша. Смотрели сети два раза в неделю. Лед был толщиной до одного метра и более, так как раньше были очень морозные зимы. Нельму ловили крючками на «живот» — это в чебака, разрезав его живот, вставляли большой крючок. Ловили обычно в ярах, опуская в прорубь одного чебака. Нельма ловилась очень крупная, до 8—12 кг. Между сезонными работами летом обычно был распространен лов стерляди самоловами и переметами, а чебака в заводах — сетями.

А. СУРГУТСКОВ.

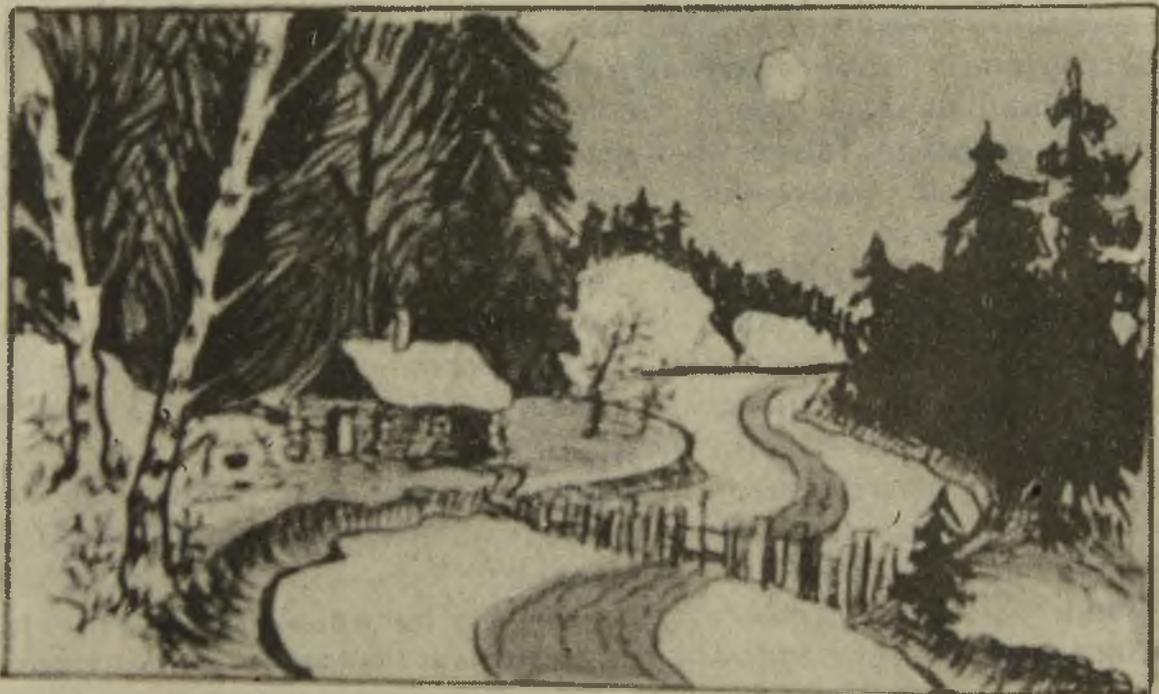

Рис. автора.

Я НА ОТКРЫТКЕ ТВОЁ ИМЯ НАПИШУ

Более 120 лет минуло со времени выпуска в Австро-Венгрии первой в мире почтовой карточки.

Автором идеи был почтовый советник, а затем генеральный почтмейстер Германии Генрих фон Штефман. Замысел был такой: на одной стороне карточки печатается знак почтовой оплаты и имеется место для адреса, а другая сторона должна содержать около тридцати «универсальных» фраз на все случаи жизни, например: «Выражаю глубокое соболезнование в связи с...». Конечно, это было удобно для отправителя, ему не нужно было ломать голову над составлением текста, следовало подчеркнуть или, наоборот, вычеркнуть ненужные формулировки.

Прошло немного времени и почтовая карточка завоевала весь мир. В 1870 году она была введена в Финляндии, Англии, чуть позже в Норвегии, России, Чили, на Цейлоне. Открытка — лишь капля в океане с названием Почта.

Последние два-три года работники связи бьют в колокола. Почта терпит убытки: миллионы открыток, посвященных знаменательным и революционным датам, не раскупаются. Что ж, политика и связь неразрывно соединены. Но есть и вечные праздники: Новый год, Рождество Христово, Пасха, Масленица... Именно из-за них, праздников, возникла идея иллюстрировать почтовую карточку.

В Англии давным-давно было заведено рассылать поздравительные «рождественские карточки» с интересным рисунком. «Отцом» такой карточки стал художник Добсон в 1794 году. Он написал ее от руки и послал своему приятелю. На ней была изображена семейная сценка вокруг елки на фоне зимнего пейзажа. Всем понравилось. Вскоре Добсон отлитографировал десятки «рождественских карточек» и разослал друзьям и знакомым. А в 1800 году нашелся ловкий предприниматель и пустил их в продажу.

Все поздравительные карточки получили название — «валентинки». Происхождение их весьма любопытно. 14 февраля праздник св. Валентина. С давних времен его отмечали в Англии и Шотландии. Этот очень веселый праздник сопровождался своеобразными традициями. Накануне Валентинова дня молодые люди писали записки с именами девушек и опускали в урну. Затем юноша вынимал билетик, и девушка,

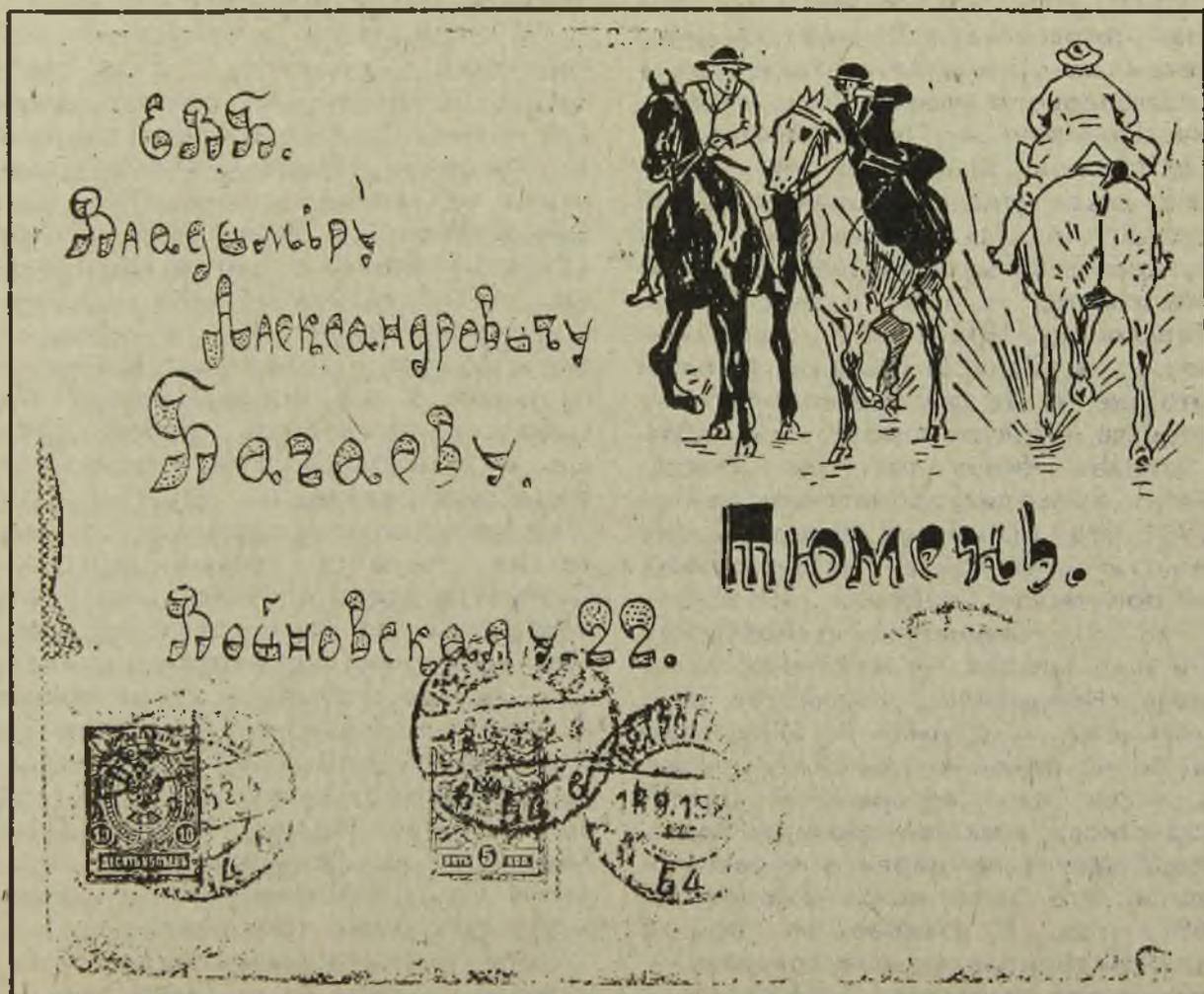
имя которой написано в билете, становилась на год его «Валентиной», а он ее «Валентином». Между ними устанавливались отношения рыцаря и дамы его сердца. Иногда «Валентиной» считали любую девушку, которая первой встретила утром. Этот старинный обычай запечатлен Шекспиром в песенке безумной Офелии:

Заутра Валентинов день,
И с утренним лучом
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном...

Стало обычным в этот день, в праздник св. Валентина, на открытках рисовать разные шуточные, юмористические, а также лирические послания.

С днем Ангела, Валентины! Спешите поздравить. Любая «зимняя» открытка подойдет для такого случая.

О. МАЙОРОВА,
учитель истории.

И. КРЮКОВ

ДОРОГИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Что собой представлял Нижневартовск и его округа в начале века? Русских семей тогда здесь жило немного — в Вартовске (ныне Вампугольск) и Покуре. В этих селах были дровяные пристани пароходства. Зимой сюда приезжали скупщики пушнины, которую добывали в основном ханты, а летом съезжались местные купцы, а также томские и тобольские — брали у рыбаков соленую рыбу.

Тогда вся эта местность входила в состав Сургутского уезда, а волость была Логосовская. В нее входили населенные пункты Аган, Урье, Большое Лобаново, Малое Лобаново, Ивашкино, Поперечное, Покур, Комарово, Вата, Мегион, Лекрысово, Ермаково, Вампугольск, Нижневартовск, Кабино, Старица, Светлая Протока. Во всех них, кроме Ваты, вместе с русскими жили и ханты.

Только в 1911 году открылись школы в Покуре, Вате и Нижневартовске, в это же время в Нижневартовске и Покуре строятся и церкви. В школах было по три класса, занятия проходили в частных домах.

1914 год. Вспыхнула первая империалистическая война. Русских мужиков приезжали и брали на войну. В 1915 году осенью взяли моего отца и еще многих — Арканова, Медведева, Кондрякова, Шумилова, Непомнящего и других. В 1916 году осенью по ранению демобилизовался Низовских Ефим, который нас, ребят-подростков, всех вечером собирал, выстраивал, и по деревне с песнями ходили. Это было почти ежедневно.

1917 год. С февраля с фронта стали приходить молодые солдаты, — которые по ранению, а которые в

отпуск: Спиридонов Иван, Крюков Егор, Низовских Федор, Медведев, Шумилов. Позднее стали многие приезжать, которые были браны в пятнадцатом году. Приехал и наш отец. Демобилизованные часто собирались и всегда говорили о большевиках и о Временном правительстве. Деньги ходили керенки, а в 1918 году колчаковские стали ходить, их звали «белохвостки». Вскоре разговоры мужиков притихли. В Покуре было двое колчаковцев и сочувствующих большевикам могли арестовать.

1919 год. Июль и август — шли пароходы в сторону Томска. Ехали купцы, студенты и разные люди с семьями. Прошел военный пароход — говорили, будто комендантский отряд вез военное имущество, оружие, боеприпасы. В сентябре пароход «Лебедь» провез в барже арестованных из Тобольской тюрьмы — сочувствующих большевикам и коммунистам. По пути к Томску расстреливали партиями. У нас, возле Покура, река выбросила двенадцать трупов. Дальше в Комаровой тоже сколько-то было расстреляно, на устье Быстрой.

Осенью девятнадцатого года, как только сделался санный путь, из Сургута в сторону Томска отступали колчаковцы. К концу декабря отступил начальник колчаковской «милиции» Волков с остатком своих людей. А через несколько дней прошел отряд Красной Армии. В Покуре создавалась комсомольская ячейка, в нее вошли Хатин Федор, Хатина Шура, Хатина Ольга, Домашов Павел, Кошкаргов Егор, Низовских Филипп. Были и сочувствующие комсомолу.

Были конфискованы все ценности и товары купцов (а их было двое —

Кайдалов и Силин), свезены в один склад, и создано потребительское общество. Председателем избрали Барышева Федора. В Покурское общество вошли также Вата, Кирьяс, поселки хантов Комарово и Поперечный.

Хлеба населению не хватало. Зимой, до распутицы, пришлось возить муку из Сургута в Покур, а в Вартовске и Логосовой были казенные амбары.

Летом двадцатого года все население было организовано ловить рыбу и сдавать ее в потребобщество, а осенью — обложено продрозверсткой. Были выделены люди для отлова пушнины, сбора ореха с доведением задания каждому (ханты такой повинностью не облагались). Мясо, масло, шерсть, кожсырье — все свозилось в потребительское общество, а пушнина отправлялась в Сургут.

1921 год. В феврале вспыхнуло кулацкое восстание. Районное руководство было вынуждено сперва свои семьи эвакуировать в сторону Томска, а потом и сами руководящие работники РИКа в срочном порядке, со всем, что имелось ценного в потребобществе, должны были двинуться в том же направлении.

Мне председатель потребобщества дал указание все, что погрузят для эвакуации, сопровождать до смены лошадей. В ночь обоз вышел в сторону Нижневартовска. Ночью прошли Вату, утром были в Мегионе, покормили лошадей и пошли дальше. Только в Ермаково расположились на ночлег — приехал нарочный, и по его распоряжению обоз вышел в Нижневартовск.

В это время отступающий отряд Зырянова был уже в Вате. Рано утром наш обоз пришел в Вартовск. Уже сменные лошади были готовы, с наших возов все перегрузили, и обоз тронулся дальше в сторону Александрово, а мы со своими лошадьми остались в Вартовске.

В половине дня отряд Зырянова прибыл в Вартовск. Вечером была послана разведка в сторону Ермаковой — коммунисты Степан Хатин и Николай Казбеев. Как узнали позже,

оба попали в плен. Этого же дня вечером собрались мужики в дом Тимофея Слинкина, где стоял Зырянов с частью отряда. Зырянов говорил о Советской власти, ее программе, о Ленине.

В это время на дороге, что шла от Вартовска в Ермакову, стоял в дозоре Спиридон Давыдович Панов. Тут же Зырянов вызвал ермаковского возчика Эмподиста Мартемьянова и сказал ему: «Твои десять лошадей должны быть запряжены и готовы». А рано утром следующего дня белые подошли к Вартовску. Завязался бой. Бойцов Зырянова обстреливали с двух сторон. Арканов, Парунин хотели запрячь лошадей Мартемьянова, а дуг не оказалось. Стали запрягать других, чьи были поближе. Уже в отряде были убитые и раненые. Иван Юргин в свои сани посадил троих раненых и повез.

Вскоре все, кто уцелел из отряда Зырянова, уехали, и белые вошли в Вартовск. Мартемьянов запряг своих десятерых лошадей, посадил белых и погнался за отступающими. Доехал до Былиной, никого не догнал и вернулся. В Вартовске на улице собрались белые. Я смотрю: в толпе банды белых мужики из Покура — Потапов, М. Парунин, С. Доронин, с Ваты В. Парфенов, Ф. Позевалов. А я работал агентом по продрозверстке, они меня все хорошо знают и могут арестовать. Я своим друзьям, что были рядом, Баталиным Григорию и Василию, сказал, чтобы коней моих постерегли, а сам убежал незаметно к хантам. На другой день, когда белые ушли дальше, вернулся в Вартовск.

Вечером поздно приходит в Вартовск отряд карательный из Ермаковой, привозят с собой С. Хатина, и Н. Казбеева, потом двинулись с ними дальше. Мне пришлось на своих лошадях везти арестованных и троих белых. Когда на верхнем устье Чехлонейя дорога пошла через реку, я остановил своих лошадей поправить сбрую. Конвоиры спали. Я говорю Хатину: «Убегайте на моем коне, а потом бросьте его где-нибудь». Но они не решились бежать. До

Былиной доехали, белые в деревне проснулись. Хатин и Казбеев говорят: «Пустите погреться». А те отвечают: «Мы вас скоро погреем». Довезли их до Сосниной и там расстреляли вместе с несколькими соснинскими мужиками.

Белые дошли до Мураса, и там был бой уже с отрядом Красной Армии, который шел на подавление восстания из Томска. Как только вартовских коней возвратили домой, нас отпустили, и мы все вернулись в Покур. Меня сразу предупредили: никуда не отлучаться.

После боя под Мурасом белые отступили от Покура и готовились снова дать бой красным. Была послана разведка — не трактовой дорогой, а окольной. Я решил, что надо бежать. Вечером в сумерках на своем коне убежал до Кирьяса, тут остановился, и ночью меня настигла погоня. Побили как следует и к утру привезли в Покур прямо в штаб. Через недолгое время пришел начальник штаба Зенцов и сразу на меня напустился: «Поехал к красным, расстрелять тебя!». Деревенские мужики, что здесь сидели и заряжали патроны, говорят: «Это наш парень, мы его возьмем на поруки». А он еще пуще закричал, потом наказал солдатам, чтобы со мной не было никаких разговоров, и ушел.

Спустя некоторое время что-то в штабе, видимо, передумали и меня отпустили, но приставили ко мне нашего деревенского парня Якова Петрина. Бежать надо, а он по пятам идет за мной. Дело уже было близко к закату солнца. Я позвал Якова в столовую. Разделись, заказали супу.

Немного похлебали — я ему: «Пить что-то хочется». Он отвечает: «И мне неси». Я вышел и кухарку, свою знакомую, попросил снять мою одежду с вешалки. Вернулся. Посидели, я опять говорю: «Что за черт, пьется сегодня». Вышмыгнул незаметно на улицу, потом на конный двор, где у меня были лыжи, — и в лес (а он был сразу за дворами). Немного отошел-решил остановиться и прислушаться. И как раз идут двое патрульных, ведут разговор о том, что разведка донесла, будто отряд красноармейцев с пулеметами пришел уже в Вату, а завтра будет здесь. Когда они прошли, я их дорогу пересек и пошел в охотничью избушку в Покурский Еган. По дороге догнал своего друга Гришу Баталина, а ночью собрались в этой избушке 13 человек. Белые в ночь стали из Покура отступать, и мужики сумели от них спрятаться.

Отступившую банду отряд под командованием Кутузова догнал недалеко от Сургута, в Широковой, где произошел бой. Там Эмподист Мартемьянов был взят в плен и расстрелян. Отряд Красной Армии весновал в Логосовой, а с открытием навигации разгромил банду.

Так была восстановлена Советская власть. Население снова стало ловить рыбу, заготавливать дрова для пароходства, нести гужповинность. Зимой рыбу возили в Тобольск. Первый обоз из шестидесяти подвод вышел в конце декабря 1921 года, пять из них были на моем попечении. Домой я вернулся уже в конце марта.

И. НЕКЛЕПАЕВ

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СУРГУТЯН

Понятия о нечистой силе и об ее разнообразных проявлениях составляют, бесспорно, тот общий фон, на котором, главным образом, покоится наибольшая масса существующих у сургутян предрассудков и суеверий. Все, что более или менее загадочно и что в то же время является в том или другом отношении вредным для человека, сургутяне обыкновенно приписывают действию какого-нибудь нечистого духа, если в некоторых случаях и нельзя указать точно, какого именно духа (так как все они имеют здесь свои специальные функции или, вернее сказать, специальные районы своих действий), то все-таки это не уничтожает общей веры сургутянина, что, во всяком случае, это дело «нечистого».

Впрочем, нельзя сказать, чтобы нечистой силе сургутяне всегда приписывали только вредные для людей проявления, причинение людям зла. Хотя все нечистые духи, по понятиям сургутян, сами по себе действительно являются существами злыми, но иногда они относятся покровительственно к тем или другим «приглянувшимся» им людям и оказывают своим любимцам различные услуги в их материальной жизни. Мы не говорим уже о том, что есть целый разряд лиц, которые являются как бы посредниками между людьми и нечистыми духами и у которых эти последние играют почти служебную роль, исполняя их всевозможные желания и прихоти, направленные, однако, большей частью, ко вреду других людей. Но, кроме этих лиц, находящихся в постоянном общении с нечистой силой, по понятиям сургутян, и всякому вообще человеку предоставляется возможность задобрить или умиловить разгневанного почему-либо нечистого духа, или заранее предотвратить этот гнев. Для этого здесь существуют известные правила и обряды, которые можно назвать в некотором роде сургутским демонологическим культом.

С этими обрядами мы познакомимся ниже, при детальном выяснении воззрений сургутян на нечистую силу, теперь же следует указать, что демонологические верования у сургутян разработаны довольно подробно и даже могут быть сведены в некоторую стройную систему.

НЕКЛЕПАЕВ Иван Акимович, участник революционного движения в России. Отбывал ссылку в с. Кондинском на Оби (ныне Октябрьское) и г. Сургуте. Публикуемый текст представляет собой часть главы из большой работы «Поверья и обычаи Сургутского края», опубликованной в «Записках Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (Омск, 1903, кн. XXX).

По понятиям сургутян, происхождение нечистой силы заключается в следующем: вначале был Бог и только добрые ангелы. Но один из них, по прозванию Сатана, вдруг преисполнился зависти к Богу, к его всемогуществу, всеведению и пр. и сам захотел быть таковым. Возгорелась борьба между ним и Богом, и окончилась тем, что Бог, во гневе своем, низверг Сатану в ил (болото), отчего Сатана с тех пор и стал называться Сатанаил. А его приспешники попадали с неба, кто куда пришелся, и те, что упали в лес, сделались лешими, кто упал в воду, стал водяным, а упавшие в людские жилища превратились в домовых. Сатанаил же поселился в самой преисподней, в илу, в болоте, и оттуда, по-видимому, руководит злыми действиями всех этих более мелких нечистых духов — леших, водяных, домовых.

Время от времени эта борьба нечистых духов с Богом проявляется и теперь. Бог сердится, гремит громом и посылает с неба громовые стрелы. Их особенно боятся нечистые духи и при всякой грозе стараются спрятаться за человека. Вот почему, когда гром убивает кого-нибудь, то, по мнению сургутян, это значит, что за этим человеком спрятался какой-нибудь нечистый дух (тот, в районе которого случилось происшествие), на которого собственно и была направлена «божья стрела».

Таким образом, нечистые духи завладели известными районами, в сфере которых и стараются всячески пакостить людям. Больше всего их приютилось в жилых человеческих избах или поблизости от них — в банях и скотских «загородях» (хлевах). И так как с ними приходится чаще сталкиваться в обыденной жизни, то естественно, что у сургутян имеются о них более обстоятельные сведения, чем о духах, поселившихся в воде и лесах.

Ниже мы представим воззрения сургутян сначала на домашних духов, так называемых здесь «суседок», потом на духов, населяющих реки, леса и озера и, наконец, на разных посредников между людьми и нечистой силой — «вещиц», волшебниц, чернокнижников и пр.

ДОМАШНИЕ ДУХИ — «СУСЕДКИ».

Сургутяне не объясняют, какого пола были те злые ангелы, которых Бог низверг с неба вместе с Сатанаилом: но те из них, что приютились около человека — в избах, загородах и банях, у сургутян известны под именем «суседок» — существ, несомненно, женского пола. Это видно, как из самого названия — «суседка» и обращений к ним сургутян со словами «матушка-суседушка», о чем у нас речь будет ниже, так и из того обстоятельства, что в разговорах сургутяне никогда не приравнивают «мужиков» (мужчин) к суседкам, но обыкновенно сравнивают с ними только баб и вообще женщин.

Смотря по местонахождению, суседки бывают трех родов и называются «избна суседка» (иногда называемая также «домовая суседка»), «скотска суседка» и «банна суседка»¹⁾.

¹⁾ Но при разговоре сургутских кумушек нередко можно услышать такие сравнения: «будь она проклята, так страшна — настояща земляна суседка», — говорят про какую-нибудь женщину, или: «ну, и выгадилась же ты, словно земляна суседка» и т. п. Эти выражения, по-видимому, указывают на то, что у сургутян существует или, вернее, существовала вера в особые еще земляные суседок (быть может, обитающих в огородах), потому что вышепоименованные суседки (избна, скотска, банна), хотя и «страшны» на вид, но не живут в земле, а имеют другие местообитания, и, кроме того, ни одну из них (при расспросах) сургутяне не называют «земляной». Но подробнее выяснить этот вопрос нам не удалось, и, кроме приводимых выше разговорных выражений, мы не могли собрать никаких сведений о земляных суседках.

Избная соседка заведует жилой избой, где является тайной, но верховной хозяйкой как над людьми, обитающими в доме, так и над всем домашним распорядком и, между прочим, над животными, которые временно помещаются в избе, напр., над телятами, над курами и пр.

Одних жильцов эта соседка любит, других нет. Первых всюду сопровождает удача и успех — во всех домашних делах, в промыслах, в торговых операциях, — вторым же везде «незадача». Тем, кого избная соседка любит, она, в знак своего расположения к ним, заплетает по ночам косы. Эти косы тщательно сохраняются их счастливыми обладателями и ни под каким видом не расчесываются и не обстригаются. В Сургуте указывают нескольких таких лиц обоего пола, которых мы имели случай сами видеть, с густыми косичками за ушами, не заплетенными, а просто сбитыми, как войлок. Этими косичками обладатели их, по-видимому, очень гордятся, хотя, к сожалению, мы не можем подтвердить, чтобы они были из особенно счастливых и зажиточных обитателей Сургута. И даже сами сургутяне в последнее время, когда заходит речь об этих «счастливах», меланхолически замечают: «вот, поди же ты, и соседка их любит, и косы им плетет, а живут как бедно...».

Если же эти косы, заплетаемые соседкой, обрезать, то тогда сразу пропадает вся дружба и любовь соседки, и при этом последняя еще чем-нибудь отомстит за такое пренебрежение ее расположением: или сам этот человек опасно заболит, или из его родни кто-нибудь помрет. Сургутяне рассказывают по этому случаю, как одна женщина, которой не нравились эти войлокообразные косички, пренебрегла советами стариков и обрезала их... «И что же! — прибавляют рассказчики, — не прошло и полгода, как у этой самой женщины утонул муж...». И с тех пор этот предостерегающий урок живо сохраняется в памяти сургутян.

А кого соседка не взлюбит, тех по ночам она мучит — «сонного трясет до поту». Иногда, впрочем, она «наваливается» по ночам и на людей, к которым не питает никакой особой злобы. В таком случае ее надо спросить: к худу или к добру она давит, и она, будто бы, всегда ответит, потому что и наваливается только затем, чтобы предсказать человеку то или другое. И если она давит к худу, то, на предложенный ей вопрос, она глухо продует в самое ухо три раза холодным леденящим дыханием («ажно в голову ветер просквозит»): к худу, к худу, к худу. Если же она давит «к добру», то тогда «теплым духом» тоже глухо ответит: к добру, к добру, к добру... Обыкновенно в это время, по словам рассказчиков, на человека нападает такой страх, что не всякий решается спросить соседку, к худу или к добру она давит. Но, однако, находились и такие смельчаки, что, не удовлетворяясь расспросами, схватывали соседку и, как кошку, сбрасывали с себя на пол, так что она упадет и при этом даже «крякнет». А назавтра находили в руке клок шерсти (с соседки) с красными, жесткими, как у медведя, короткими волосами... И соседка обыкновенно не сердится на то, что с ней поступили так бесцеремонно: «сонному человеку все простительно, это понимает и соседка...».

Какой же она имеет вид! Об этом сургутяне рассказывают разно. Ее мало кто видел, да, по словам сургутян, «и не дай Бог никому видеть». Она всегда является в том или другом облике только к неблагополучию: или самому заболеть и даже умереть, или из близких родных кто умрет. И со всеми, кому удавалось ее видеть, всегда приключались потом какие-нибудь подобные несчастья. По одним рассказам, она круглая, как клубок, с человеческим лицом, мохнатая, с красной, жесткой короткой шерстью, без рук и без ног. Одни ее видели в подполье, другие — в загороди, и при этом она быстро укатывалась куда-то, как шар, и исчезала. Это — по рассказам тех, кто видел ее днем

или вечером, в бодрственном состоянии. А кто видел ее ночью, когда она наваливалась на сонного, те говорили, что она тоже мохнатая и маленькая, как ребенок, с такими же маленькими детскими ручонками, но очень тяжелая, пуда в три весом. Ни хвоста, ни рогов ни те, ни другие при ней не замечали.

Вообще сургутяне боятся соседки и, во избежание с ее стороны каких-либо напастей, стараются ее заранее задобрить. Это в особенности можно наблюдать при постройке нового дома и при переходе из старого дома в новый.

Так, при «окладке» (закладке) нового дома, когда положат первые продольные бревна, то в «гнездыях», вырубленных в этих бревнах для наложения на них поперечных бревен, делают небольшие углубления во всех углах и в них кладут — в каждое углубление — по кусочку хлеба, по маленькому камню и сколько-нибудь денег (кто сколько может: богатые кладут серебряные монеты, бедные — медные). Это дань соседке, чтобы она благоволила к хозяевам. Затем в переднем углу ставят маленькую цельную, с корнем, кедринку и приговаривают: «вот тебе, мать-суседушка, теплый дом и мохнатый кедр»... Потом приглашают священника и служат молебен. По окончании молебна поперечные бревна вкладывают в свои гнездыя и навеки закрывают углубления с хлебом, камнями и деньгами, а кедринка остается в переднем углу и ни под каким видом не выбрасывается вон. Потом кладут следующий венец, за ним третий, на него кладут балки и настилают пол, и кедринка таким образом пристраивается в переднем углу подполья, где ее и можно видеть в любом сургутском доме. Эта кедринка, по-видимому, и служит главным местопребыванием домового соседа. По крайней мере, те, кому случалось ее видеть в подполье, обыкновенно видели ее вблизи этой кедринки.

Точно так же, переходя из старого дома в новый, хозяева выводят с собой и старую домовую соседку, приглашая ее словами: «матушка-суседушка, пожалуй с нами в новый дом», где ей отводится обычное место — в переднем углу подполья.

В случае нерасположения к хозяевам соседка вредит иногда даже и тем животным, которые временно помещаются в избе. В особенности достается от нее курам, которых сургутяне по зимам держат в подполье. Если их не взлюбит соседка, то она мучит их не меньше людей. Это замечают по тому, что куры вдруг, ни с того, ни с сего, большею частью ночью, когда им следовало бы спать, поднимают под печкой возню, начнут неистово махать крыльями, биться и летать. Это уж непременно их «вертит» соседка. А когда их вынут из-под печи, то они оказываются еле живыми и страшно измученными, уставшими. После этого куры обыкновенно начинают хиреть и потом вскорости дохнут. И вот, чтобы умиловить соседку и заставить ее полюбить кур, сургутяне пекут маленькие кругленькие караваешки хлеба, втыкают их на лучину и засовывают эту лучину за матку под печкой так, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлеба. Потом, через некоторое время, смотрят: если хлеба нет, значит его съела соседка, и теперь уже она не будет более трепать кур. Если же хлеб еще лежит, то значит, соседка им брезгует и требует иного, и тогда черный хлеб заменяют белым. Если же и это не помогает, и соседка по-прежнему продолжает трепать кур, тогда принимаются уже другие меры, носящие, так сказать, оборонительный характер. Именно, к ногам кур привязывают по клочку «карсучьей» шерсти¹⁾, на манер овечьей «ногавки» (так называют сургутяне клочки разной материи, которые привязывают летом к ногам

¹⁾ Кажется, барсучьей шерсти, но рассказчики всегда произносят «карсучьей».

овец, чтобы отличать их в стаде одну от другой). Карсучью шерсть соседка почему-то особенно не любит и даже чуть ли не боится ее, — по крайней мере, по словам сургутян, никогда не трогает тех кур, у которых привязаны «ногавки» из карсучьей шерсти.

Если же карсучьей шерсти нет в доме, то бросают в курятник ножик, чтобы соседка обрезала себе лапы, или употребляют такие приемы: садят курицу (которую «вертит» соседка) на заслонку и тихонько стегают ее помелом (или же просто только трясут помелом над курицей).

Затем от этого помела щиплют «елочки» веника и отрезают лоскуток привязи, которою помело завязано, и все это кладут в ковшик с «жаром» (угольями) и этим дымом подкуривают верченую курицу. Обкуривают также верченых кур в первом дыму, когда только что затопится печь, держа их в руках на шестке. А чтобы вообще соседка не портила здоровых кур, то обыкновенно в Спиридонов день (12 декабря) садят их под кадку, после чего, по словам сургутян, соседка уж не тронет их до следующего Спиридонова дня.

Теперь мы перейдем к воззрениям сургутян на *скотскую соседку*.

Эта соседка живет в «загородах» и также является верховной хозяйкой над всей находящейся там скотиной. Точно также и здесь одних лошадей или коров она любит, других — нет. В первом случае скотина бывает (благодаря заботам соседки) сытая, здоровая, сильная, во втором — она начинает сохнуть, хиреть, не пьет и не ест. Если соседка полюбит какую скотину, то даже таскает из чужих загородей сено для нее, отчего скотина эта и бывает такая сытая. В знак своего расположения скотская соседка (подобно избной) заплетает у лошадей в гривах «косы» — тоже скомканные в виде войлока пряди волос. Эти «косы» хозяином лошади тщательно хранятся и никогда не распутываются, чтобы не прогневить соседки. А каких лошадей соседка не влюбит, тех по ночам она мучит, ездит на них по загороди, и утром хозяин находит их в мыле и поту, крайне утомленными и измученными. Это значит — ночью ездила соседка. Тогда, чтобы умиловить ее, пекут круглый маленький хлебец, посыпают его солью и кладут в загороди под матку, приговаривая: «матушка-соседушка, вот тебе хлеб да соль — полюби нашу скотинушку». Если и после этого соседка не перестанет объезжать лошадей, то пришивают к уздам у лошадей карсучью шерсть.

Но, кроме того, во избежание вообще немилости со стороны скотской соседки, сургутяне ежегодно, в великий четверг, приносят, так сказать, жертву этой соседке. Именно в этот день пекут маленькие кругленькие хлебцы и относят их в загороди, под матку. При этом обыкновенно положенных в предыдущий год караваешков хлеба уже не находят на старом месте, хотя всегда кладут их так, чтобы скотина не могла их достать. Это означает, по словам сургутян, что хлебцы эти съедает соседка.

Такие же хлебцы кладут и в новые загороди, когда из старых переводят туда скот, с тем же обычным причетом: «вот тебе, матушка-соседушка, хлеб да соль, а ты полюби, пои и корми нашу скотинушку»...

Банная соседка, представляется сургутянам существом более злым и страшным, чем избная и скотская. По-видимому, в противоположность этим последним, которые хотя и причиняют иногда неприятности, но могут также делать людям и добро, банная соседка не способна к добру и всегда причиняет людям только зло. Поэтому сургутяне боятся ее гораздо больше, чем первых двух, и точно так же стараются ее при случае задобрить, как и тех. Для этого, когда топится баня,

и все вымоются, последнему, кто мылся, ни под каким видом не позволено выливать на себя совершенно всю воду, а нужно хоть немного ее оставить в кадке. Эта вода и предназначается для банной суседки и оставляется она с обычным причетом: «вот тебе, матушка-суседушка, водица, мойся и парься в теплой баньке»...

Если же воды не оставить, то суседка рассердится, и в следующий раз, когда будут топить баню, может до смерти запарить хозяина ее (или, вернее, хозяйку, так как здесь обыкновенно баню топят бабы). Точно так же банная суседка не любит, если в баню ходят в «третий пар», т. е. в третью смену. Этот третий пар — худой пар, и если пойти одному в этот раз в баню, то может явиться суседка и запарить до смерти. Обыкновенно она является в образе какого-нибудь знакомого или родственника, который тоже якобы приходит в баню помыться. И когда тот, кто мылся, обращается к этому пришедшему с просьбой окатить его или потереть спину, то банная суседка, приняв вид человека, начинает окачивать горячим кипятком и, по словам сургутян, бывали случаи, что обваривала людей до смерти.

О таких проделках банной суседки здесь ходит немало рассказов. Так, однажды в с. Локосовом (в 100 верст. от Сургута, по Оби вверх) мылись три человека в бане — двое сургутских казаков и третий местный (локосовский) поп. Казаки вымылись раньше и вышли из бани в передбанник, поп же остался. Вдруг они слышат дикие стоны и мычание попа, вбегают в баню и видят, что на попе верхом сидит кто-то мохнатый (поп же лежит растянувшись на полу). Один из казаков от страха пустился бежать, а другой не оробел и догадался, что надо сделать: скинул с себя шейный крест, окунул его в воду, зачерпнув предварительно ковшик воды, и этой водой из ковшика брызнул на мохнатого... Тогда в бане поднялся страшный «трескоток» и мохнатый (это был банный) моментально куда-то исчез, а попа подняли еле живого, в бесчувствии. Когда с попом «отводились», то он рассказал, что в то время, как он сел мыться, из-за печки выскочил этот мохнатый, навалился на него и начал душить, тогда-то он и застонал... Но были ли у этого мохнатого хвост и рога и вообще, какой был его внешний вид — участники этого происшествия от страха не могли рассмотреть.

Другой случай был в одной из низовских деревень. Мылись раз в бане мужик и баба (такое совместное мытье мужа с женой здесь является общим обычаем). Мужик вымылся раньше, вышел в передбанник и через некоторое время кличет свою бабу: «Скоро ли ты там!» — «Сейчас выйду», — отвечает баба. Он немного подождал, и опять зовет ее, та кричит: «Сейчас, сейчас», а сама не идет. Это показалось мужику странным, что жена так долго замешкалась и когда, он отворивши дверь в баню, в третий раз вскрикнул: «Да скоро же ты, наконец!» — то увидел, что жена его лежит на раскаленной каменке без движения и без звука... Мужик выбежал из бани и крикнул народ, а сам тут же упал без чувств. Когда на крик сбегался народ, то бабу нашли уже мертвой, с совершенно испеченным телом. Голос же, выходивший из бани, оказывается, принадлежал банному духу, который в это время «запаривал» бабу и отвечал за нее мужику.

Был такой случай и в Сургуте, когда банный явился раз к одной женщине, мывшейся в бане, в образе ее матери, и начал обливать ее кипятком, пока, наконец, эта женщина не выбежала голой из бани.

Эта боязнь банной суседки служит причиной того, что баня здесь является самым страшным местом, куда не только ночью, но даже и днем сургутяне ни за что не пойдут в одиночку, а топят бани или моются там всегда компаниями. В банях же происходят самые «страшные» святочные гадания, о чем нам придется говорить ниже.

ДУХИ, НАСЕЛЯЮЩИЕ РЕКИ, ЛЕСА И ОЗЕРА.

По мнению сургутян, в реках и озерах (но не в болотах, которые являются специальной резиденцией лешего) живет особый водяной дух. Те, кому доводилось его видеть, замечали у него собачьи ноги и «тулово» (туловище), покрытое шерстью, как у выдры, некоторые видели также хвост и рога. Ютится этот дух по преимуществу в глубоких местах, куда и утаскивает время от времени людей и скотину. Если тонет человек или лошадь, это значит: их тащит к себе водяной. Но человека он может утащить только тогда, когда на шее у него нет креста, с крестом же человек, по мнению сургутян, никогда не утонет. А если бывали случаи, что тонули люди и с крестом на шее, то это поражало всех и объяснялось обыкновенно тем, что или утонувший был большой нечестивец, которому не помог и крест, или же он наскочил на слишком дерзкого водяного, который, давно уже соскучившись по людям, с жадностью накинулся на человека и второпях не разобрал креста.

Водяной в особенности любит таскать к себе людей в полночь, «в худы часы», как говорят сургутяне. Вот почему сургутяне никогда не купаются ночью, особенно около полуночи, боясь, чтобы водяной не утащил их в воду. Кроме того, водяной почему-то особенно любит «парное тело» и всегда «зарится» на него. Поэтому никогда не советуют купаться тотчас по выходе из бани, «на парно тело», так как было много случаев, что как только кто из бани станет купаться, глядишь, и утонет. И не особенно даже давно был такой случай с одним сургутянином, который, забывши или пренебрегши наставлениям опытных людей, стал после бани купаться... И только что он зашел на глубокое место, как сейчас же начал тонуть, хотя прекрасно умел плавать. К счастью, его вытащили из воды, и когда с ним «отходились» (он был уже в бесчувствии), то сургутянин этот рассказывал (и сейчас рассказывает всем, кто хочет его слушать), что лишь только он зашел вглубь, как водяной облапил его и первым делом принялся стаскивать с него крест (потому, что в кресте ему не утопить человека), а пока он возился с крестом и снимал его, подоспела помощь, и рассказчика отбили у водяного.

Поэтому, когда кто тонет, то, чтобы спасти его, бросают в воду крест и этим отпугивают водяного, который и оставляет свою жертву. А если тонет скотина, например, корова или лошадь при переправе через реку, то нужно подъехать к тому месту, где она нырнула, и бросить в воду нож, — тогда водяной выпустит свою жертву и опустится вглубь.

По-видимому, у здешних водяных есть свои излюбленные места, где они живут охотнее, чем где-либо еще. Это обыкновенно те места, поблизости от которых находились некогда остяцкие поселения, ныне или затопленные водой, или сохранившиеся, в так называемых городищах. Таких мест указывают несколько, как в протекающей под Сургутом речке Бардаковке, так и на Оби, и обыкновенно там никто из сургутян не купается, и не переплавляет лошадей, потому что раньше, будто бы, здесь много гибло скотины и людей.

Не меньшее значение, чем водяному духу, сургутяне приписывают также и *лешему* или лесному духу, который царствует в лесах, на сорах, но главным образом в лесных болотах. Там он водит и «кружает» людей. Если кто заблудится в лесу или на болоте, то сургутяне обязательно приписывают это тому, что его водил или кружал леший, а потому и советуют, если кто заметит, что заблудился, непременно остановиться и сотворить молитву: «Да воскреснет Бог»... Леший тогда с громким хохотом и с шумным хлопаньем «в ладушки» удалится в глубь леса, и заблудившийся скоро отыщет дорогу. Иногда леший

водит невидимым образом, иногда же принимает вид человека, обыкновенно какого-нибудь близкого знакомого или даже приятеля, который тоже, якобы, очутился в лесу с тою же целью, что и заблудившийся. Этот «приятель» предлагает вывести из лесу; ему, конечно, доверяешься, рассказывают сургутяне, и он тогда заводит в такую труппу, что становится уже несомненным, что имеешь дело с лешим, а вовсе не с приятелем. Тогда следует сотворить обычную в этих случаях молитву («Да воскреснет Бог»), и этот «приятель» превратится в громадного человека и с хохотом и шумом исчезнет в лесу... При этом, по словам сургутян, исчезая в лесу леший (если он являлся в образе какого-нибудь знакомого человека), не преминет еще, как бы, похвастаться: «Ха, ха, ха, — захохочет он диким хохотом, от которого мороз продирает по коже, — русского обманул, с русским шел и русского провел»...

Так что себя этот дух, очевидно, считает не русским. В этом нетрудно заметить влияние инородческой демонологии на сургутян, о чем подробнее у нас речь будет ниже.

Если леший присутствует где-нибудь невидимо, то, по словам сургутян, его можно сделать и видимым. Когда, например, едешь по лесу или по сору на лошади, и последняя станет без всякой видимой причины шарашиться, бросаться в стороны, «таращиться», это значит, что ее не пускает леший, который стоит тут поперек дороги. Его можно прогнать обычным способом, т. е. сотворив молитву, но если при этом желательно сделать его видимым, то стоит только посмотреть вперед, сквозь дугу, меж ушей лошади, и тогда леший примет свой настоящий вид: страшного, огромного, выше леса, человека в белом одеянии. Если потом прочесть молитву, то он с шумом и грохотом удалится с дороги, и лошадь побежит обычным бегом.

Иногда леший принимает вид собаки или зайца, и если в таком виде перескочит через дорогу, то может «скрасть дорогу», т. е. путник или проезжий потеряет путь и заблудится.

Любопытно, между прочим, что леший, по словам сургутян, не любит «матерских слов», и когда услышит в лесу такую ругань, то нарочно прибегает из своих болот, чтобы водить и кружать человека.

Точно так же, по словам сургутян, лешему бывает «тяжело», когда по каком-нибудь покойнике служат сорокоуст (или, как здесь говорят, «сорокоустию» служат).

У лешего есть и жена — «лешиха», с длинными волосами: но принимает ли она участие в проделках своего мужа и какое именно — нам не удалось узнать.

До какой степени сургутяне боятся лешего, можно видеть из того, что при входе в лес, куда обыкновенно ходят лишь большими компаниями, например, за грибами или за ягодами, здесь устраивается целый ритуал, имеющий в виду охрану от лешего. Именно, перед тем, как рассыпаться по лесу, «вожата» скликает всю компанию и кричит: «Собирайтесь в круг». Когда все станут вокруг, а «вожата» посредине, последняя произносит молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». На что компания отвечает хором: «Аминь», а «вожата» говорит: «Спасибо на аминь». И так до трех раз. Потом все кричат «в голос» (хором): «Бог на помощь», тоже до трех раз, и затем уже расходятся по лесу...

Делается это, по словам сургутян, для того, чтобы леший не увел кого из «табуна»... «Долго ли до беды! Без молитвы не долго и прикоснуться нечистой силе...».

(Окончание следует).

СИБИРСКОЕ НАЧАЛО

Год назад в №№ 1, 2 нашего журнала публиковались фрагменты из будущей книги известного полярника, кандидата географических наук Геннадия Ивановича Бардина «От Чукотки до Арктики».

Предлагаем вниманию читателей журнальный вариант одной из начальных глав этой работы.

*Все мы пришли в мир
из своего детства.*

Антуан де
Сент-Экзюпери

Сердце наполняется гордостью, когда я вспоминаю о своем родном городе, старинной сибирской столице — Тобольске. Когда подплываешь к нему на речном пароходе или быстрокрылой «Ракете», за много километров открывается величественная панорама высокой и крутой горы, на фоне которой четко выделяется своей белизной и позолотой великолепный Тобольский кремль с многоглавым собором. Чуть правее, прорезанный в горе, виден Прямской взвоз. В тенистом городском саду есть памятник покорителю Сибири Ермаку, а в местном краеведческом музее — кольчуга, из-за которой, по преданию, и утонул лихой атаман, застигнутый врасплох ночью коварным татарским ханом Кучумом. Из богатого, расположенного близ Тобольска села Покровского ушел в столицу искать славу, а нашел бесславную гибель великий авантюрист Гришка Распутин. Здесь написал свой чудесный романс «Соловей» русский композитор А. А. Длябьев. Очарованный фольклором, с филигранным мастерством создал тоболяк П. П. Ершов свою неповторимую сказку «Конек-Горбунок». В этом городе родился и блестяще закончил Тобольскую гимназию создатель Периодической системы, великий русский ученый Д. И. Менделеев, принимавший непосредственное

участие вместе с С. О. Макаровым в создании первого в мире ледокола «Ермак».

...Себя в отдельные моменты жизни помню с пяти лет. Перед войной мать поступила в Тюменский педагогический институт и поселилась в женском общежитии. Меня с большим трудом удалось устроить в круглосуточный детский сад, но на воскресные дни нас выдавали на руки родителям. Девушки меня баловали, как могли, когда были в хорошем настроении. Однажды на день рождения на свою беду они подарили мне чудесную детскую игрушку — заводную пожарную машину. Это был просто потрясающий подарок! Я долго ждал, когда все уйдут из комнаты, чтобы испытать ее в деле. Оставшись один без капризов и слез, чему мама была приятно удивлена, я быстро нашел спички, высыпал их из нескольких коробок на гнутый венский стул, добавил деревянных кубиков сверху и поджег, чтобы потом с колокольчиками приехать на «пожарке» и гасить. Огонь разгорался сначала нехотя, и я долго елозил на коленях по полу, катая свою машину и громко крича: «Динь-динь-динь -би-бии!». Потом все весело запылало, огоньки быстро побежали по тюлевым занавескам

к потолку и открытой форточке. Начало трещать, стало жарко, и от страха я залез под кровать. К счастью, дым вскоре заметили, соседи прибежали с ведрами и все успели погасить. Ущерб был хоть и небольшой, но мне досталось прилично.

Как-то мама купила мне «испанку» — красную пилотку с кисточкой впереди, и я, посмотрев в киножурнале интербригадовцев, решил стать командиром республиканской армии. Найдя в шкафу красивое коричневое платье, по расцветке как раз подходящее для изготовления ремней, я разрезал его ножницами на полоски и сделал замечательный широкий командирский ремень с португелями через плечо. Туго подпоясался обновой, на бок прицепил деревянную саблю и стал в дверях, ожидая восхищения моим «настоящим боевым нарядом». Но этот благородный порыв был неправильно понят мамой. Последовал взрыв бурного негодования, море слез и последующая порка, так как это было ее последнее выходное платье.

В первом классе я учился в Ханты-Мансийской средней школе довольно неровно. Зато второй и третий классы закончил с похвальными грамотами. В это время мать переехала учительствовать в Сургут — большое сибирское село дворов на триста. Территория села с одной стороны окаймлялась небольшой речкой Бардаковкой, а с другой — Саймой. Вокруг на тысячи километров в голубой дымке раскинулась урманная тайга с множеством зверья и птицы. Однако в то тяжелое для всех военное лихолетье с питанием было очень плохо.

Проникающий в каждую душу лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» — действовал повсюду. Я утащил из дома на приемный пункт в фонд обороны все посеребренные ложки, бронзовые подсвечники, старый медный самовар с царскими двуглавыми орлами и множеством медалей на пузатых боках и даже никелированные набалдашники от спинок кровати, за что получил благодарность от школы и головомойку от деда, когда он с тетей Клавой приехал к нам на следующий год.

В селе дед скоро приобрел большую популярность, добровольно и бескорыстно устанавливая порядок в длинных очередях за скудными продуктами по карточкам. Большая, белая, как снег, борода лопатой и такие же слегка волнистые волосы, крупный от постоянного нюхания

табака нос и очки с толстыми стеклами в металлической оправе придавали ему строгий и внушительный вид, да и зычным, когда надо, голосом его тоже Бог не обидел.

С весны до самых осенних заморозков вся пацанва бегала босиком. Подошвы ног за лето настолько дубели, что когда однажды я случайно наступил на острый осколок стеклянной банки, образовалась глубокая бескровная вмятина, а не порез. Через пять минут от нее не осталось и следа. Купаться начинали после 20 мая, через несколько дней после ледохода. Носили, как правило, холщевые домотканые, обязательно длинные, штаны с множеством заплат. Коротенькие штанишки не любили. Видимо, чтобы комар и гнус меньше кусал, а скорее всего потому, что они напоминали нам ненавистную форму бойскаутов, про которых мы читали у Аркадия Гайдара и Николая Островского. Выбиваясь из последних сил, мать как-то сшила мне новенькие шортики с ляпочками, а было мне в ту пору лет десять, и я в тот же день умышленно так их извозюкал в смоле и навозе, что был опять изрядно выдран. Зато уж больше эти «буржуазные отпрыжки» никогда не повторялись.

Теплое время все мы, особенно дети, ждали, «как соловей лета», в надежде перейти в основном на подножный корм. Постепенно буйная щедрая сибирская природа пробуждалась. Постоянное сосание под ложечкой от голода уже не грозило. Запасшись на целый день куском хлеба и парой картофелин, отчаянными ватагами, беспечно резвясь и играя, мы рыскали по ближайшим окрестностям в поисках чего-нибудь съедобного. Слегка надрезая кору, вволю пили березовый сок, драли свежее сосновое лыко и с удовольствием поедали желтоватую нежную мякоть, объедались верхними хвойными побегами молодых елочек, щавелем и цветками сладковатой сиреневой кашки, совали гладко оструганный прут в муравейник и с перекошенными физиономиями обсасывали его. Многие, как нынешние американцы, активно двигали челюстями, жуя древесную смолу, которую мы называли серой. Потом поспевали ягоды: сладкая земляника на солнечных полянах, душистая малина в чащобе старых таежных прогалин, густые и обильные кусты черники и голубики. Ближе к осени туесами и ведрами собирали с огромных ковров яркочерную бруснику, а на предболотных моховинах — крупную

багряную клюкву. Большим подспорьем был также богатый ассортимент грибов и ядреные кедровые орехи. Не приходится удивляться, почему у сибиряков, как правило, до глубокой старости крепкие и здоровые зубы.

В поисках живности мы не знали усталости. Охотились за сусликами, заливая их норки водой, не брезговали дикими голубями и беспечными галками, ставя на них силки. После десяти лет удавалось иногда пальнуть по уткам из маленького ружья 24-го калибра, которое мне давали мои старшие друзья. Это была большая, настоящая, ни с чем не сравнимая радость охотника-мужчины. После четвертого класса я уже прилично управлял обласком — хантыйской долбленкой-однодеревкой. Ловко загребая и чуть разворачивая весло для выравнивания хода, можно было быстро скользить по воде на верткой подочке-душегубке. Рыбаки ханты ходят на обласе даже по большой Оби, которая весной разливается на десятки километров и иногда штормит крутой высокой волной.

Кроме речных катеров и старых колесных пароходов, колесных тракторов марки ЧТЗ и выдавшего вида обшарпанного грузовика ЗИС-5, никакой порядочной техники мы не видели. И какова же была наша ребячья радость, когда однажды на Бардаковке прямо под крутым яром Барской горы на воду сел самолет-амфибия — «Шаврушка», как его тогда называли. Мы с опаской щупали его пружинящие под нашими пальцами зеленые перкалевые крылья, удивляясь, как такую хрупкую махину, да еще с людьми и грузом, поднимает маленький пропеллер. Восхищенные мальчишки не отходили от двух молодых пилотов в кожаных шлемах с крупными очками на лбу, желая им чем-нибудь помочь. В этот волнующий момент все захотели стать летчиками.

Но главное событие меня ждало впереди. Из-за вечной занятости матери со старшеклассниками в колхозе на уборочных работах и в рыбацких артелях я в пионерлагере проводил все три смены. За активность в общественных делах, несмотря на маленький рост, меня избрали знаменосцем пионерской дружины. И вот к нам прямо с фронта, с боевого корабля, весь в орденах и медалях приехал на побывку настоящий моряк Балтийского флота. Он был в парадной форме, полосатой тельняшке и бескозырке с гвардейскими ленточками и золотыми якорями. Его невеста была у нас вожатой.

До сих пор сохранилась пожелтевшая фотография, где мы с бравым моряком стоим на фоне красного пионерского знамени, правой рукой я держусь за древно и вокруг ребятам всего лагеря. С тех пор я стал мечтать о морях и дальних странах, проглатывая массу географической и приключенческой литературы. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что детская моя мечта полностью осуществилась. Я побывал на многих морях, на всех пяти океанах, включая ледовитый Южный, и на всех шести континентах планеты.

Одним из любимых наших фильмов был «Тимур и его команда». В то время электричества в селе не было и, чтобы кинопроектор показывал, старшие ребята по очереди крутили динамомашину, получая за это бесплатные места в клубе. Тимуровское движение нас захватило полностью. Сколько ни искали, мы не могли найти своего Мишку Квакина. Никто не хотел на него даже походить. Солдатским семьям прибывали на ворота красные звезды. Начиная с пионерского возраста, чем могли помогали таким дворам: пилили и кололи дрова, таскали воду из речки, готовили летом траву для скотины, девочки мыли полы и посуду, нянчились с малыми детьми. Дело находилось всякому, а таких семей становилось все больше и больше.

После пятого класса один месяц в летние каникулы мы работали по-настоящему, за зарплату, на Черномысовском рыбоконсервном комбинате, расположенном в пяти километрах от Сургута. Там была и речная пристань. Работу нам давали не очень тяжелую: специальным скребком чистить свежемороженую рыбу или сколачивать из дощечек деревянные ящики под консервные банки. Рабочий день был коротким — пять часов, да и лет нам было всего по тринадцать, а кому и меньше. Из-за частого недоедания некоторые выглядели маленькими старичками и сначала все здорово уставали.

Лето красное пролетало незаметно. Сибирское лето хоть и жаркое, но короткое. Надо было снова готовиться к школе, от которой мы уже изрядно отвыкли. Длинное одноэтажное здание, в котором учились, напоминало барак, а мы называли его «гробницей». Возмужавшие за три каникулярных месяца, первого сентября мы приходили в следующий класс. В каждом классе было по сорок человек. Учебник был в среднем один на пятерых, тетрадей не было вооб-

ще. Писали в обычных книгах между строк. Особенно хорошо было писать на старинных книгах, где была гладкая, с блеском, вошенная бумага, и перо само по ней бежало с нужным нажимом. Как правило, искали и находили их на заброшенных чердаках изб дореволюционной постройки среди опутанной паутиной старой рухляди, ломаной мебели и потемневших икон. Там наверняка валялось немало ценнейшего антиквариата, но мы об этом не знали. Чернила делали, настаивая разные красящие корни, чаще всего коричневого цвета. Когда начинало рано темнеть, в школе зажигали тридцатилитровые керосиновые лампы. Обычно в классе их было две, но по углам все равно было темно. В большинстве домов жгли лучину или пользовались самодельными лампадками: на блюдечко наливали немного рыбьего жира и вставляли крученный фитилек из ваты. Читая очень много вечерами при таком свете, я основательно подпортил зрение. К окончанию средней школы развилась близорукость, что мне помешало потом поступить на желанный судоводительский факультет.

Зимой село по крыши погружалось в глубокие сугробы, морозы бывали временами очень сильными. Я сам неоднократно был свидетелем того, как птицы замерзали на лету. Чаще всего это были бедные воробышки. При температуре минус сорок пять и ниже школа официально не работала. Застывали чернила, превращаясь в густую кашу. Иногда на перемене какой-нибудь не выучивший урока нерадивый школьник-лоботряс нарочно открывал все форточки, чтобы, не выдержав холода, добрая учительница отпустила нас по домам. Мы радовались таким дням и даже в трескучие морозы играли на улице.

Из учителей хорошо помню Вассу Дмитриевну Пugno, учившую нас в начальной школе, и Аркадия Степановича Знаменского, богатой библиотекой которого я с благодарностью пользовался, потому что дружил с его сыном Аркадием, хотя он и был на два года меня старше. Европейски образованный человек, Аркадий Степанович всю свою сознательную жизнь посвятил Северу, в те времена довольно глухому «медвежьему углу». У нас не было театра, но была великолепная художественная самодеятельность, организованная Аркадием Степановичем. Мы не слышали настоящего симфонического оркестра, но он прекрасно играл на рояле и сочинял музыку. Нам не хватало своей «публички» — библиотека Знамен-

ских по качеству подбора книг, пожалуй, превосходила районную. Учитель в самом высоком смысле этого слова, блестящий преподаватель физики и математики, Аркадий Степанович был мудр прежде всего тем, что помогал ребятам не только усвоить определенную школьной программой сумму знаний, но будил буквально в каждом жадный интерес к ним. Серии его занимательных задач были в семидесятых годах опубликованы в научно-популярном журнале «Наука и жизнь», переведены на иностранные языки. Не случайно почти все его выпускники получили в дальнейшем высшее образование, многие стали докторами и кандидатами наук. Основы, полученные в маленькой северной школе, помогли им выдержать самые строгие конкурсы в жизни. В Санкт-Петербурге работают известный в стране востоковед П. А. Грязневич, профессор-микробиолог ханты Ю. Е. Колев, кандидат технических наук К. А. Ландграф и кандидат экономических наук Л. П. Баранова (Пugno) — бывшие ученики школы Знаменского. Он был замечателен еще и тем, что круглый год в любую погоду, даже зимой, ходил с непокрытой головой, вызывая зависть и восхищение. Уже потом я вычитал, что его дед, известный тобольский священник Знаменский, очень помогал ссыльным декабристам.

На чем каталась детвора зимой! Настоящих, магазинных лыж, санок или коньков практически не было. Все делали сами из подручного материала. Обычную деревянную скамейку распиливали пополам, получались заготовки для двух санок. Сиденье бывшей скамейки густо, в несколько слоев обмазывали коровьим навозом, потом многократно заливали водой до зеркального блеска и превращали их (по теперешним понятиям) в финские сани, на которых с упоением носились по раскатанным, обледенелым дорогам. Коньки были тоже деревянными, а полоз изготовлялся из железной обточенной проволоки. Сыромятым ремнем они намертво крепились к валенкам-пимам. Специальным крючком цеплялись к проезжающей мимо повозке саней, запряженной бодреньким Сивко-Буркой, и с шиком катили на буксире, пока под ноги не попал парящий на морозе, свежий конский катыш. Тогда летишь в растяжку и в худшем случае кровенишь себе нос. Любили кататься с бугров на лыжах-самоделках, устраивая на крутом склоне подряд несколько трамплинов. С девчонками еще любили прыгать с высоких сеновалов с пятиметровой высоты прямо

в сугроб снега, особенно в начале зимы, когда он был пушистый, как лебяжий пух.

Из праздников помнится февральская масленица, когда зима чуть сдает свои позиции. Из других поселков и деревень съезжаются гости на тройках с бубенцами, сбруя сверкает начищенными бронзовыми бляшками, в гривах резвых коней шелковые ленты, в роскошных и простецких розвальнях развеселый народ — подвыпнвшие молодящиеся старички, солдатики-инвалиды с войны и бабы, принаряженные по такому случаю. С низовьев и верховьев Оби на быстрых оленьих упряжках на большой русский праздник приезжают рыбаки и охотники, степенные ханты. мех модных малиц и кис-торбасов молодых румяных женщин украшен разноцветными суконными лоскутами и расшит ярким цветастым бисером. Головы их покрыты большими пестрыми кашмирскими платками, завязанными на спине. Мужчины одеты гораздо скромнее, хотя тоже сплошь в мехах, каждый подпоясан сыромятным ремешком с висящим на боку спереди острым охотничьим ножом в деревянных ножнах, обшитых кожей. Как правило, несмотря на морозец, капюшон парки-малицы откинут назад, и на ветру шевелится копна густых черных волос. Уже много позже я обратил внимание, что лысых среди северян-аборигенов практически не бывает. А почему? Может быть, этому способствует употребление в пищу рыбы и мяса в сыром виде!

После съезда всех гостей начинались соревнования, в том числе гонки на оленьих упряжках и на тройках лошадей, национальная борьба и прыжки в длину через несколько нарт, лазание за подарком на высокий вертикальный столб, отполированный до блеска. Тут же в изобилии на ящиках и импровизированных столах из глубоких запасников были выставлены богатые по тем военным временам сибирские угощения. Мы терлись тут же, и от взрослых нам тоже кое-что перепало, грех жаловаться. Чаше всего на наши горящие глазенки откликались сердобольные и стеснительные рыбацки-хантыйки, которые вытаскивали из своих бездонных мешков свежемороженую нельму или муксуна, тут же мастерски разделявали острым ножом, превращая в тонкую стружку, и угощали нас национальной пищей — патанкой, которую ели, слегка посолив или окуная в специальный раствор «маканину». Особенно ярким и веселым этот праздник

запомнился в начале сорок пятого года, когда уже чувствовалось скорое приближение долгожданной Победы.

До сих пор до глубины души потрясает исключительная доброта людей в тяжелую годину. Моя мать работала, как и все, не считаясь со временем, и я был часто предоставлен самому себе, особенно в младших классах. Как-то исподволь и незаметно я стал членом большого и дружного семейства Горбачевых, жившего по соседству. Тетя Дуся работала уборщицей и семью практически кормила без мужа, одна. Старший сын Василий погиб на фронте. Его имя золотыми буквами выбито на камне вместе с именами других сургутян, отдавших жизнь за Родину. На содержании старой женщины были Надежда, Полина, Александра и Миша. Я был шестым ртом, хотя мать иногда и пыталась им немного помочь продуктами, получаемыми по скудным карточкам. С Шурой я учился в одном классе, а с Мишей дружил. Самые добрые отношения с Горбачевыми я поддерживаю и теперь, по прошествии многих лет, хотя Евдокии Ивановны уже давно нет в живых. Михаил живет в Сысерти Свердловской области, а все сестры по-прежнему в Сургуте, ставшем за пятьдесят лет совсем неузнаваемым.

После шести классов я хотел убежать в школу юнг города Тобольска, но мать поймала меня на пристани. Она решила поискать счастья в другом месте. Мы поехали в город Шадринск. Но счастья в этом тихом уральском городке она тоже не нашла, и ранней весной следующего года мы вернулись в Ханты-Мансийск, где жили ее сестры и престарелый отец, дед Егор. Летом я сдал документы в фельдшерско-акушерскую школу, надеясь потом выучиться на морского врача, но заболел гриппом во время вступительных экзаменов и осенью пошел в восьмой класс средней школы № 1.

Учеба всегда давалась мне легко. В восьмом классе началась дружба с девочками, дело доходило иногда даже до поцелуев. Помню, как моя первая подруга Маня Данилова специально облизывала губы на морозе, чтобы наши губы слиплись. Но при всем этом мы были очень целомудренными и уважительно относились к нашим первым чувствам и друг к другу.

Год пролетел незаметно, и вот я на пороге новой жизни, своего совершенно-

летия. В окружной отдел народного образования (возглавлял его в то время уважаемый в народе Аркадий Николаевич Лоскутов, впоследствии председатель Ханты-Мансийского окрисполкома и директор краеведческого музея) поступила разрядка из Ленинграда на учебу в университет. Как представителю северной народности, а также отличнику, эту путевку предложили мне, однако я долго колебался — ведь это означало скорее всего быть учителем. А как же моя будущая морская карьера, о которой я столько мечтал! Однако мама быстро меня уговорила, объяснив, что при отличной учебе и большом желании мою мечту всегда можно осуществить, ведь Ленинград — город морской славы!

Вскоре после получения новенького паспорта все мои скромные пожитки были уложены в маленький фибровый чемоданчик. В основном — съестное, ведь дорога предстояла дальняя и неизвестная. Наскоро распрощавшись с родными и друзьями, радуясь новизне ощущений, свободе и одновременно волнуясь в душе, на телеге (автобусы тогда еще не ходили) я отправился на пристань в Самарово, что в пяти километрах от Ханты-Мансийска. До Тюмени через Тобольск

надо было добираться пароходом по Иртышу, Тоболу и Туре. Стоявший у дебаркадера-причала белый и симпатичный издавдалека, а на самом деле старенький колесный пароход «Жан Жорес» дореволюционной постройки ходил на дровах, которые на специальных остановках-лесоучастках заготавливали сами пассажиры. На таких вынужденных остановках работали все без рангов и различий, включая команду, по два-три дня. Потом пароходик неторопливо шлепал дальше. При удачном раскладе всех обстоятельств эта поездка речным путем занимала дней десять. От Тюмени начиналась железная дорога, о которой я имел весьма смутное представление, в основном по кинофильму «Путевка в жизнь», где Мустафа дорогу строил. На пассажирском поезде, называвшемся почему-то «пятьсот-веселым», все замелькало, как в калейдоскопе. Многие, познакомившись, делились едой. Скоро в нашем битком набитом купе все знали, куда я еду и даже где зашиты мои деньги. Но в этот раз обошлось, меня не обворовали. Через две недели, отоспавшись на узкой, самой верхней багажной полке, я благополучно добрался до Ленинграда.

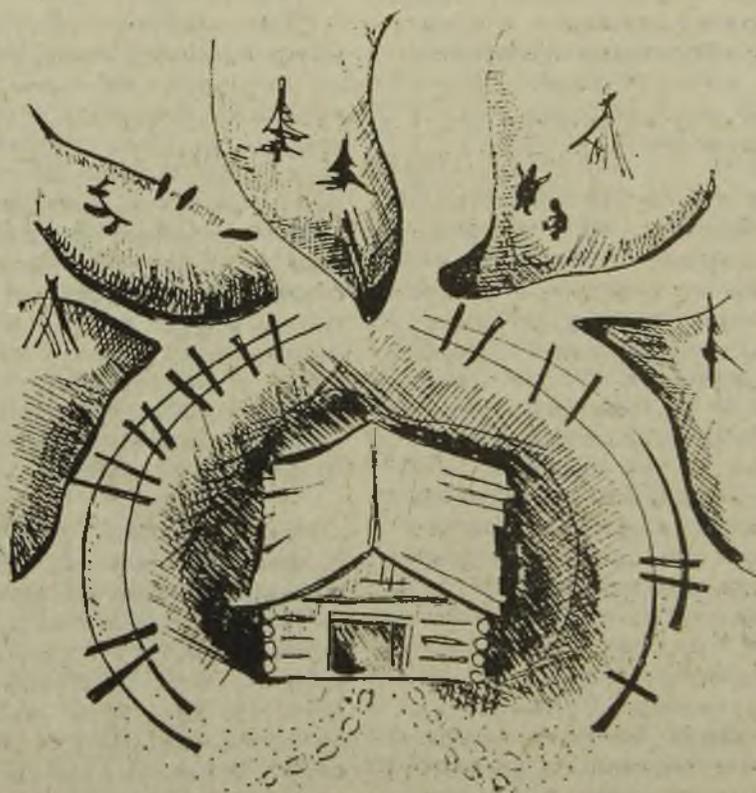

Рис. А. МУХАМЕТОВОЙ.

М. ПРИШВИН

ФЕСТИВАЛЬ

— Ты сегодня, — сказал дядя Алпатову, — постриги свои лохмы и почистись немного к вечеру: у нас будет фестиваль.

— Фес-ти-валь?

— Ну, да. Гости соберутся, и директор придет. Директор — умнейший человек. Все нонче будут, и немец. (...)

(...) Явился толстый протопоп Иоанн и тоже было направился в кабинет, но встретился в коридоре с директором и Астаховым. Все трое пошли в столовую. Алпатов идет за ними и на пороге стоит в изумлении. На большом столе посредине целая бочка с икрой, обложенная кедровыми шишками и потом дальше аршинными навагами, осетрами, стерлядями, нельмами; там дымились горячие пельмени; из кедровых темно-зеленых веток выглядывали бутылки. Так Мария Людвиговна по своему вкусу создала стиль сибирской тайги. Из другой комнаты, от карточных столов, чуть видные в облаках табачного дыма, сходятся гости.

— Благорастворение воздуха и изобилие плодов земных! — сказал священник Иоанн.

— Приступим, батюшка, — ответил Астахов.

Директор хрюкнул, наматывая бороду. Священник Иоанн благословил все, начиная с икры, обошел вокруг стола, не забыл ничего. После этого все бросились к столу с тарелочками в руках.

— По случаю какого-нибудь события настоящее торжество? — спросил священник Иоанн.

— Определяю племянника в гимназию, — ответил Астахов, — это первое, а второе, по случаю грядущего проезда наследника цесаревича по Сибири и закладки железнодорожного пути.

Тогда, выпивая, все заговорили о значении пути для Сибири и, главное, для пароходчиков. Катаев и Китаев, два маленьких пароходовладельца, каждый свое доказывал Якову Ивановичу Мюллеру: Катаев — что пароходчики выиграют, Китаев — что проиграют.

— Будет всем хорошо, — отвечал Яков Иванович, — Сибирь будет как Америка. (...)

(...) Все курили и постепенно скрывались в облаках вместе с бочкой икры. Но это было только началом пира — в это время Марья Людвиговна в другой комнате готовила другой стол для ужина в стиле сибирских степей, вкладывая в рот целому жареному барану букет с ковылем. Тут пир открыл Яков Иванович Мюллер своей маленькой речью о значении предстоящего проезда наследника по Сибири и связанной с этим железной дороги.

— Сибирь тогда будет, — говорил Яков Иванович, — совершенно как Америка.

Директор громко хрюкнул и пробормотал:

— Что, к нам Америка из Петербурга придет?

— Ну, конечно, — ответил Яков Иванович, — из Петербурга. Сибирь-колония совершенно соединится с метрополией, и всем будет хорошо, очень даже хорошо. (...)

(Из романа «Кашеева цепь»).

ФЕВРАЛЬ

Низко стелется злая поземка:
Вьются белые змейки у ног.
Да гудят неестественно громко
По ночам провода вдоль дорог.
Не шевелится иней кудлатый.
И застывший на холоде лес,
Словно скопище гипсовых статуй
На фарфоровом фоне небес.
То бугром затвердевшая тропка,
То сухая, как шорох, лыжня,
Нас ведут неторопко и робко
Перепутьями зимнего дня.
Но прислушайся к этому снегу!
Словно рифма нечаянных строк,
Одолев надоевшую негу,
Просыпается первый цветок.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАРКЕ

ИМ. ЯКУТОВА В г. УФЕ

Город. День. Моя любимая улица,
Где весной ветер, и воробьев гам.
Надо просто на секунду зажмуриться,
И опять, верю, я окажусь там.
Надо только обойти вокруг озера,
Отыскать дерево, тот большой клен —
Старый клен с корой коричнево-
розовой,
И листвой розовой, как цветной сон.
От коры дерева не отниму лица,
Чтоб друзьям потерянным еще раз
спеть.
Надо только сильно-сильно
зажмуриться,
Чтобы все вспомнить или умереть.

Сергей СМЕТАНИН живет и работает в Сургуте. Его стихи печатались в областной периодике, в журналах «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Крокодил», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в коллективных сборниках. В

ЗВЕЗДОПАД

Жизнь ли счастье мне пророчит?
Сон ли сгинул без следа?
О гигантский короб ночи
Тихо чиркнула звезда.

Чутко впитывая звуки,
Безмятежно, как в игре,
Я лежу, раскинув руки,
За деревней на горе.

В головах — трава степная,
Быль и небыль — в голове,
И никто меня не знает
Ни в Сибири, ни в Москве.

Что мне эти расстоянья,
Что мне пыль пространств и лет!
Я загадывал желанья,
Да пути им, видно, нет.

И ничто мне не пророчит
Ни удачи, ни беды,
Лишь на гранях темной ночи
Гаснут тихие следы.

ОДИНОЧЕСТВО

Синева струится, исчезая где-то,
Тихо обломился пепел сигареты.
Ты стоишь на кухне, глядя на аллею,
Голые колени ткнулись в батарею.

Никому не больно, ничего не надо,
На душе, как в сквере, после снегопада,
Только чей-то голос плачет за стеною:
— Где ты закатилось, счастье золотое?

Это все знакомо, это все бывает —
О чужом, далеком песня унывает.
Сквозняком нелепым потянуло, вроде,
Дверь стоит открыта, и никто не входит.

СЕНОКОС

Этот край бесконечен и прост,
И под куполом выси нетленной,
На готовом стогу в сенокос,
Я как будто один во вселенной.

Свежий запах медовой травы,
Деловитых жучков стрекотанье.
А вокруг — океан синевы
Неделимый, как все мирозданье.

В этой бездне теряется взгляд.
Мир настроен на вечные ноты...
Только мышцы тревожно гудят
От азартной, тяжелой работы.

* * *

Дыханье живых человеческих слов —
Не это ли было вначале,
Когда, не имея названья стихов,
Обычные песни звучали?

Народные песни — работы родня,
Да отдыха вольные дети —
Им сладко и больно в душе у меня
Вполне заурядной на свете.

Народные песни — простые слова
Смеются и горестно плачут.
Мы чувствовать их начинаем едва,
Они нас роднят и иначат.

Они за резонансом не лезут в карман,
Привычное с ними чудесней.
Они никогда нас не вводят в обман —
Старинные русские песни.

Северо-Сибирском региональном книжном издательстве «Северный дом» готовится к выпуску книга стихов для детей «Восемь маленьких щенят», написанная в соавторстве с С. Пивоваровым.

СЧАСТЛИВЫХ ТРОП

Уверен, в романе Бориса Зуйкова каждый найдет что-то для себя. Кто-то, перелистнув страницы, почувствует запах свежего снега и ту ни с чем не сравнимую легкость и умиротворение, что приходит в утро первоснежья в сосновом бору.

Кто-то, взобравшись на вершину урманного холма, подивится ранее не виданным краскам таежных осеней и весен, таежных рассветов и закатов. И, пораженный исцеляющим, едва уловимым звоном падающего листа осенней осины, замрет под старым кедром.

Кто-то вместе с автором пустится в поиски извечной Истины и Веры и своего человеческого «я» в этом непростом мире... Кого-то уведет в глубь романа драматическая, и неведомая, и всегда прекрасная и волнующая любовь...

Чем симпатичен мне роман Бориса Зуйкова? Прежде всего тем, что в каждом герое, даже в самом непривлекательном, он пытается найти светлые линии, светлые пятна, порою совсем незаметные светлые штрихи. Каждому он оставляет надежду. Надежду на лучший исход.

Зуйков, как истинный художник, чуток и внимателен к человеку. Язык его скуп и точен. Роман добротен и крепок. Автор в работе терпелив и основателен. Пример этому — многие годы, отданные рукописи произведения.

Пожелаем же автору счастливых троп и удачи!

Еремей АЙПИН.

Б. ЗУЙКОВ.

ЕРЕМЕЙ

(Глава из романа «Белогорье»)

НЕВЕСЕЛО поглядывая в маленькое, начавшее оттаивать оконце, за столом из кедровых тесаных плах сидел Еремей. Прихлебывая из кружки чай, думал, что установившиеся было морозы отпустят и подступающая к пояснице и суставам боль надолго привяжет его к зимовью.

Ушедший в дальний урман Андрей, по уговору, должен был вернуться еще вчера, но почему-то запаздывал. Лежащая у порога Юнга навострила уши. Старик вздохнул, обремененно поднялся с лавки. Собака встала, тихонько заскулила.

— Поди протрясись, — сказал Еремей, отворив ей дверь.

Порыв ветра вырвал из рук дверь и с силой ударил ею о сруб. Жалобно скрипнув, дверь повисла на одной петле.

«Не к добру», — подумал старик, осматривая ржавую и лопнувшую петлю.

Дым из трубы срывало ветром, и он стелился у самой земли. Оседая в ельнике за избой, прикрывал, будто ватой, низкорослый чапыжник.

Вернувшись в зимовье, покряхтывая, Еремей встал на четвереньки,

Борис ЗУЙКОВ родился в 1953 году в Твери. В нашем округе живет с 1980 года. Работал сучкорубом, чокеровщиком, лесником, егерем, охотником-промысловиком, десантником авиационной охраны лесов от пожаров. Вниманию читателей предлагается глава из первого романа молодого прозаика «Белогорье».

достал из-под нар старый сохонь. Отпластнув от него кусок кожи, поискал взглядом гвозди.

Приладив вместо петли приготовленную кожу, пнул дверь.

— Потерпит пока, — решил он, прислушиваясь к шумящей тайге.

На миг показалось, что где-то стаяла собака и старик, лодочкой приложив ладони к ушам, мельком взглянул на Юнгу.

Та замерла, готовясь выполнить приказание хозяина, но не дождавшись команды, села, широко зевнула.

Еремей опустил руки, ступил через порог.

Приближение оттепели старик почувствовал еще вчера, когда разделявал добытого лося, а потом затаскивал на временно слаженный из жердей четырехногий лабаз кровившие куски мяса. Оттирая снегом испачканные кровью штаны, окончательно понял, что весь его труд на путиках — коту под хвост. Капканы после оттепели нужно будет переставлять, а с его поясницей теперь каждый километр — лишний.

На улице взвизгнула Юнга. Отворив дверь, дед увидел Бурана. По тропе, от реки в гору, поднимался Андрей. Поскользнувшись, он пластом растянулся на снегу. Собаки азартно закружились возле него, не давая встать.

— Ух, вы! — закричал на собак старик, заметив как тяжело поднялся Андрей и, спотыкаясь на ровном месте, еле поднялся в угор.

Вяло поздоровавшись, он скинул котомку возле зимовья прямо на снег. Кляцнув затвором винтовки, придержал выскочивший патрончик.

— Ну и кобель! — то ли гордо, то ли разочарованно проговорил Сушков, вешая винтовку на вбитый в стену избы большой гвоздь.

— С одним глазом, стерва, а ухайдакал меня до дыр. Думал, не доползу. Прихватил след и прет прямо по нему. Поди разбери — кого он гонит. Ушел — и ни звука, хоть бы стаял где. Уж бросить хотел. Не ночевать же второй раз из-за него в такую погоду. Под вечер вчера соболишку прихватил, так хорошо, что в дупле. Утром, по свету добыл. А сегодня, — Андрей хитро прищурился, как прищурился Еремей, — убей — до сих пор своим глазам не верю — чернобурку задавил.

— А ну, кажи! — недоверчиво вскинул взгляд Еремей.

Андрей устало махнул рукой.

— Смотри сам, мне и нагибаться уже лень.

Старик поднял котомку.

— Ого! Ты чо, вместе с тушей прешь?

— Так я и говорю, с час как задавил. На речке главное и бросил. Так бы мне в жизнь недотумкать. Прет прямо по следу. За соболишкой-то сбоку бежит, а тут след в след. Уже на реке, версты три всего отсюда, смотрю, что-то чернеет на снегу, и кобель рядом лежит, из лап льдинки выкусывает. Только когда подошел, понял, что лиса, а так, думал, собачонку какую-то прихватил. Мало он их в поселке, что ль, кончил? В общем и обдирать не стал. По пути еще глухаря сдуру стрелил. Вот и пер... Сам видел, как я тут пурхался. Еще бы пару верст, и, точно бы, заночевал. Совсем ноги не идут. Да еще эта оттепель.

— Ну ладно, пошли в избу. Отдохнешь, ужо все и расскажешь, — подтолкнул дед Андрея, прихватывая его котомку.

В зимовье Андрея вконец разморило. Едва скинув обувь и верхнюю одежду, он заснул.

Еремей покачал головой, вздохнул.

— Укатали сивку крутые горки... — ласково подумал он и стал вытаскивать добычу Андрея.

На лавку легли два десятка белок, глухарь, соболю. Лисицу старик

вытащил раньше и, едва на нее глянув, потерял интерес, но осторожно подвесил обываться.

— Вот лентяй, — беззлобно поругивался Еремей на привычку Андрея не обдирать добытых зверьков сразу. Сам старик не только оснимал еще парную тушку, но тут же, на колене и обезжиривал.

Андрей, экономя световое время, и отдыхать не садился, и тащил на себе все, что добудет. И получалось, что старик уже спит, а Андрей только заканчивает начатую утром в тайге работу.

— Однако, худо поохотничал нынче, — подумал старик и уже было собрался бросить котомку под лавку, но рука скользнула по раздутым карманам. Оба кармана были заполнены промерзшими беличьими шкурками. На дне, аккуратно свернутые, лежали две собольи шкурки.

— Однако, нормально... — беззвучно похвалил старик спящего Андрея.

Разложив добычу на лавке оттаивать, Еремей присел на край своих нар покурить. На улице завозились собаки, и старик, вспомнив о кобеле, который, должно, ладом еще не ел, вышел из зимовья.

— Ну чо, паря? Поработал ты, чо говорить... За такую добычу скупиться грех. Пойдем-ка, я тя мяском угощу, — позвал старик кобеля и направился в ельник, где стоял продуктовый лабаз.

Приставив самодельную лестницу из одного бревна, поднялся по приступкам. Отворив дверцу, залез внутрь и долго не появлялся.

Сообразив, за чем полез хозяин, Юнга подскочила к лабазу и, приплясывая, громко и заолошно заголосила.

— Дай, дай, дай, — слышал дед голос собаки, но мясом оделил лишь Бурана. Погрозив Юнге пальцем, похлопал по спине.

— Тебе, подруга, завтра, если соболька припуташь. У нас с тобой соглашение: ты мне — шкурки, а я тебе — мяско. А так, царица-прекрасная, изволь-ка рыбки откусать, — добродушно проговорил дед и бросил на снег рыбину. Юнга, ухватив мороженую щуку, будто полено, потащила ее в кусты.

Испачкав руки щучьей слизью, старик, кляня оттепель, оттирал их снегом, но, как ни старался, пальцы слипались. Скрутив самокрутку, закурил, но и вкус табака перебивал рыбный дух. На чем свет стоит кляня погоду и сопливую щуку, Еремей затоптал сигарку и вернулся в избу. Тщательно вымыв руки с мылом, придиричиво их обнюхал. Взял в руки неободранного соболя, подержал в кулаке лапки. Убедившись в том, что они оттаяли, присел перед оконцем.

Света показалось мало, и старик засветил лампу. Подправив на оселке лезвие ножа, аккуратно расправил зверька, принялся за работу.

Освободив от тушки, шкурку вывернул на лицевую сторону и легонько встряхнул.

— Хорош кот, — оглаживая черную с серебром ость, подумал дед. — Нечастый гость такой соболишка в зимовье охотника. Первым цветом пойдет, сотня рублей Андрею в карман за него ляжет, если, конечно, на Омской базе не схитрят, — Еремей вздохнул, отложил шкурку.

Сквозь оконце уже различалась светлая полоска неба, но скоро пропала и она.

Ни разу не пошевелившись, Андрей спал, и Еремей, зная, что такой сон не бывает долгим, поставил на печку чайник. С улицы занес полуведерную кастрюлю с отваренной еще утром сохатиной. Подумав, выставил на стол поллитровую банку первача.

— Лисоньку, пожалуй, обдеру, потом недосуг будет, — решил дед, нечаянно задев ее плечом, — а уж обезжирит и оправит сам.

Смахнув беличьи и собольи шкурки на холодок под лавку, взялся за лису. Зажав тушку между ног, сделал надрез по огузку. Освободил хвост и задние лапки. Дальше лису нужно было подвесить, чтобы одним

точным рывком освободить тушку до плеч. Высвободив передние лапки, надрезать ушные хрящи, веки и губы... Дел в три минуты, но подвесить было некуда и старик, приладив задние лапки к гвоздю в потолке, рванул шкурку... Гвоздь разогнулся, и полуободранная лиса с грохотом шарахнулась на стол. Зазвенела упавшая на пол посуда, а вместе с ней и поллитровка первача.

Проснувшийся от шума Андрей успел заметить, как дед, яростно матерясь, выкинул что-то на улицу, но в следующее мгновение, выскочил и сам.

— Ты что воюешь-то, — позевывая и не понимая, что случилось, спросил Андрей старика, когда тот вошел в зимовье под взвизгивание собак.

— Да... — отмахнулся Еремей лисьим хвостом, — грешу вот.

Он выглянул на улицу.

— У-у! Стервоза, — послышался его голос.

— Да что случилось-то? — Андрей встал, но на полу было мокро, и он снова сел на нары. Еремей вернулся, потерянно сел на лавку.

— На вышке твоя лиса, — выпалил дед и повернулся к столу, стал поправлять то, что уцелело.

— Хорошо, хоть по лампе не достало, язви ее в хвост, — не унимался старик.

Догадавшись, что произошло, пока он спал, Андрей громко засмеялся.

— Чо ржешь-то. Вставай, вон, прибирайся. В лесу нужно тушки обдирать, а не тащить в избу. Из-за тваво лиса поллитру, вон, разлил. Собаки еще, стервы, хвост оторвали.

Андрей тихонько хмыкал, чтобы не злить старика. Взял фонарик, осветил на пол.

Посреди мокрого пятна лежала ложка. Чуть в стороне, накрытая, будто шляпой, миской, стояла банка до половины наполненная первачом.

— Смотри, дед, — показал Андрей лучом фонарика на пол.

Еремей, забыв о больных суставах, мигом опустился на колени и поднял миску.

— Ты гляди! — удивился он. — Я уж и не чаял. Последняя поллитровка оставалась, и ту, думал, пролил. Специально для тебя берег. Может, и ноги оттого крутит. Не натирал. Я ить вчерась сохатого припутал. Юнга шлялась где-то, а он под боком. Ну, я его и приговорил, — успокоенно шутил старик.

Поднявшись с пола, он заглянул в кастрюлю. По зимовью потянуло мясным духом.

— Давай, Андрей, садись, у меня уже в кишках ноет. Собак я накормил. Соболя твоего ободрал. Ну, а остальное сам доделашь. Чернобурку у тебя все равно не примут, хоть бы и с хвостом была. Весь огузок, вон, в гнойниках от укулов. Клеточная она, сбегала, видать со зверофермы, — будто оправдывался дед, не глядя на Андрея.

Тот сидел, как пристегнутый, и лишь когда старик вытянул из миски по увесистому куску мяса, подсел к столу, но от самогонки отказался. Отрезав от куска, он смачно жевал; поглядывая на явно недовольного деда.

Разговор не клеился.

Не выдержав молчания старика, Андрей налил себе в кружку и залпом выпил, Еремей прервал молчание.

— Кой-какой план у меня есть. С тобой, вот, посоветоваться решил. Думаю, через пару дней поплывет кругом, а то и вовсе на лед вода выступит. Здешние речки ты сам знаешь, объяснять не надо.

— А что нам наледь? — не понимая, куда клонит старый промысловик, спросил Андрей.

— А то, что пока время есть, в деревню выходить надо. Радио я нынче слушал. На Ямале дождь прошел. Через пару-тройку дней этот «циклоп» здесь будет. Проквасим и рыбу и мясо. Вывозить нужно.

— Как выходить-то? — спросил Андрей.

— Бурана вместе с Юнгой поставим. Он гордый, не уступит. Нарточку я подправил, до дома выдюжит. Рекой пойдем, а там как Бог даст. Захочешь, остаться — не держу, — закончил Еремей.

— Ну, скажешь, тоже! — обиделся Андрей. — Что я тебя брошу, что ль?!

— Ну, вот, и договорились, — старик взял свою кружку и встал. Отлил несколько капель на пол, тяжело вздохнул, — с утра в путь — решено.

Вызвездившее к ночи небо, так обрадовавшее старика, теперь опять затянуло облаками. Маленькое оконце зимовейки окончательно оттаяло, а на самодельный подоконник успела набежать вода.

Неслышно чертыхаясь, старик осторожно открыл дверь и опешил. Вчерашний снег на крыльце размяк и там, где еще вечером синел ледок, теперь отчетливо чернела водяная жижа.

«Приехали», — тревожно подумал старик, соображая, что не только мясо, но и рыбу придется опустить в прорубь и идти налегке.

«Да и черт с ним, свои бы мощи донести», — тревожно размышлял он. Осторожно спустился к реке. Выйдя на лед, сгреб ногой снег. Лед был еще сухой. Облегченно вздохнув, постоял.

«Успеем», — решил дед и пошел будить Андрея.

К удивлению, тот уже сидел за столом и пластал ножом кусок свежей сохатины.

К обеду, с двумя короткими передышками, прошли полпути. Хвоя на деревьях, между тем, отмякла, стволы потемнели, и там, где кроны нависали над берегом, снег, истыканный капелью, казался дырявым.

— Ну, весна, — и только, — восторженно проговорил Андрей.

— Погоди, эта оттепель еще боком вылезет, — рассудил старик.

— Нам-то, что? — невесело отозвался Андрей. — Последний раз, чай... А скоро и вовсе охотников из урманов выживут. Как ни крути, а от тайги трудно теперь семьей жить. Вроде бы и цены увеличили, а все одно приворовывать приходится.

От слов Андрея старик втянул голову в плечи, обернулся. На лице его обозначилось подобие улыбки.

— Не то, ты, парень, говоришь, не то. С такой постановкой вопроса, что угодно оправдать можно.

— А я не оправдываюсь, а правде в глаза смотрю. Ты как хочешь, а я нынешнюю пушнину не сдам. Не для того я у костра свою шкуру вялил, чтоб на моем горбу кто-то в рай выезжал.

— Эвон когда ты открылся-то, — прохрипел старик и притормозил собак. — А ну-ка, выйдем, слазь, говорю! — махнул рукой, вставая на лед. — Ты где это таких мыслей нахватался, а? — скривив рот, вопрошал Еремей. — Уж не с той ли городской образиной, какую прошлый год ко мне привозил?! Ну, Андрей, так Андрей!

— Что Андрей, Андрей! — злясь, выкрикнул тот. — Ты, вон, всю жизнь в урманях прожил. Я больше десяти лет тайге отдал. А много от этого имеем?

— Оттого и не имеем, что вы теперь только о своей шкуре заботу знаете, — вяло огрызнулся старик.

— Ну, поехали, что ль? — спросил Андрей, заглядывая Еремею в глаза.

Старик, отмахнувшись, пошел сам. Андрей, опустив голову, долго стоял, и, лишь когда старик порядком удалился, сел в нарту и пустил собак.

А. ТАХТУЕВА

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

(ЛЕГЕНДА)*

Когда-то один мужчина захотел узнать язык трав и деревьев, птиц и зверей, услышать и понять их разговоры.

Пришел он ко всезнающему старику и спросил, как это можно сделать.

Тот ему и посоветовал:

— Съешь кусочек шкуры змеи со светлой полоской у хвоста.

Так мужчина и сделал. И тут же услышал такой шум, что испугался и уши заткнул.

Все деревья и травы говорят, шепчутся между собой; птицы поют и перекликаются; звери разговаривают, кричат, всеми радостями и бедами делятся.

Стал мужчина дерево на дрова рубить, а оно плачет-рыдает...

Задумал он осину рубить, чтобы облас сделать, а она горькими слезами уливается...

Пошел он на охоту, а птицы и звери друг другу кричат, об опасности предупреждают.

Стал он сети, ловушки ставить на рыбу, а рыбы умоляют не трогать их. Своих детей учат осторожности.

Как жить охотнику-рыбаку! Всех жалко!

И решил он: — Лучше не слышать вопли зверей, птиц и рыб, на которых охотится, рыбачит; не видеть слез деревьев и трав, которые рубит и топчет.

Пусть они между собой разговаривают!

А я буду жить по-старому, как все.

ШАТУН

Бродил в поисках пищи медведь, нечаянно схватил и съел мухомор. Зашумело, загудело в голове. Зашатался медведь — пьяный стал. Идет, покрикивает, совсем замелел.

Сел возле пня, кричит, поет песни.

Отсиделся, отоспался, вроде, и хмель прошел.

Снова пошел искать пищу. Ходит, а голова с «похмелья» болит. Что бы такое съесть! И снова наткнулся на мухомор. Легче стало, повеселел медведь. И так изо дня в день стал «опохмеляться» мухомором.

До того дошел, что зима на носу, а он жира не нагулял и места берлоги не отыскал.

Все медведи залегли, а он все бродит, места себе не находит.

Покрылась земля снегом — еды не найдешь. А он все шатается. Так шатуном и стал. Ходит по лесу, даже на людей нападает.

Найдет муравейник, разгребет, сядет прямо в кучу — все потеплее, и кричит на весь лес свои пьяные песни. Так иногда и замерзнет.

А порой охотник на такого наткнется. Убьет его, разожжет большой костер и сожжет медведя. С него нечего взять — шкура к костям приросла.

* Легенда записана и обработана со слов учащейся Ханты-Мансийского педагогического училища Карасевой С.

ОРНАМЕНТ

«ШИШКА»

Если исходить из того, что узор — это мысль, зафиксированная в материале, и что в каждый орнамент заложена та или иная информация, то медальонный узор под названием «нохр» — «шишка» сегодня не поддается расшифровке. В пользу того, что это не буквальное изображение «шишки», а знак, который нес сакральную нагрузку, говорят несколько фактов.

Во-первых, данное изображение тщательно разработано, имеет множество вариантов. Наипростейший из них (рис. 1) и большинство других (рис. 2—6) мало напоминают реальную шишку и больше походят на какие-то существа с «ногами», а на рис. 4 и с «головой». Квадратики внутри овала одни мастерицы называют «нохр сям» — «орешек» (букв. глаз шишки), другие «нохр сам» — «сердце шишки».

Во-вторых, обращает на себя внимание, что название «шишка» прочно держится в «фонде орнаментальных названий» на довольно обширной географической территории. Например, даже при поверхностном взгляде видна сильнейшая связь с современным мансийским орнаментом. В п. Ломбовож у мансийских мастериц есть узоры «шишка с домом», «шишки по подолу» (информацию по названиям орнамента в этом поселке собирала Т. С. Гоголева совместно с автором статьи).

Впервые на особое положение данного орнамента обратил внимание В. Н. Чернецов. В 1948 году он писал: «За исключением только одного непонятного названия «шишка с домом», все другие относятся к священным и почитаемым существам».

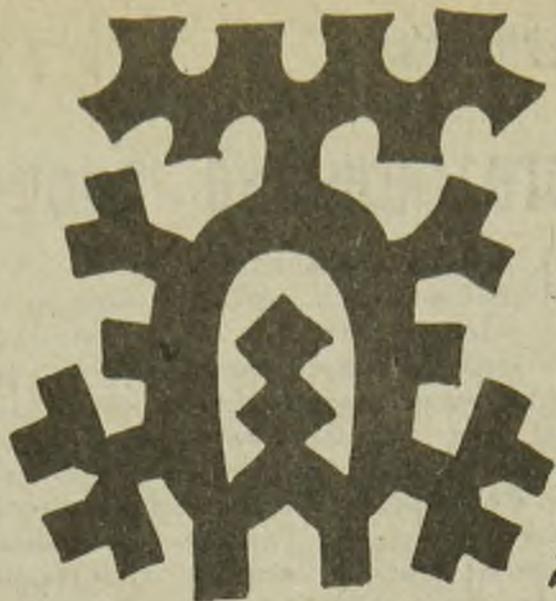
Современные казымские мастерицы под узором «шишка» подразумевают только кедровую шишку и, возможно, разгадку изначального появления названия следует искать в связи с деревом кедр. Кедр, по представлению казымских ханты — «кхынь пялак юх» — дерево старика болезней Кхыня. В фольклоре фигурирует герой-богатырь, появившийся из кедрового орешка, и, наконец, В. Н. Чернецов связывает кедр с фратрией Пор.

Т. МОЛДАНОВА.

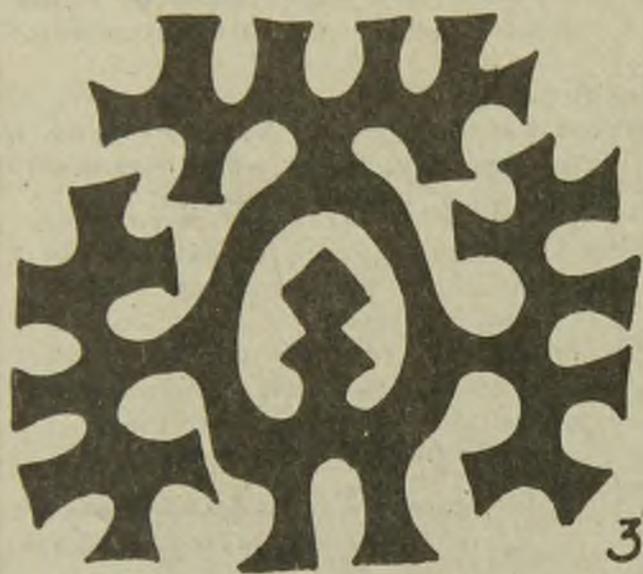
Рис. автора.

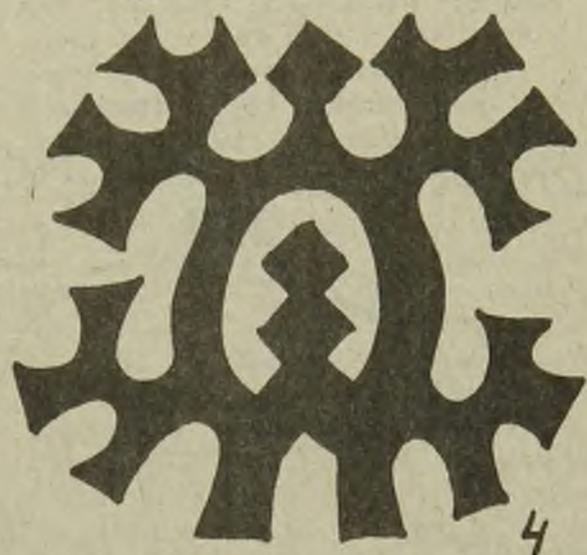
1

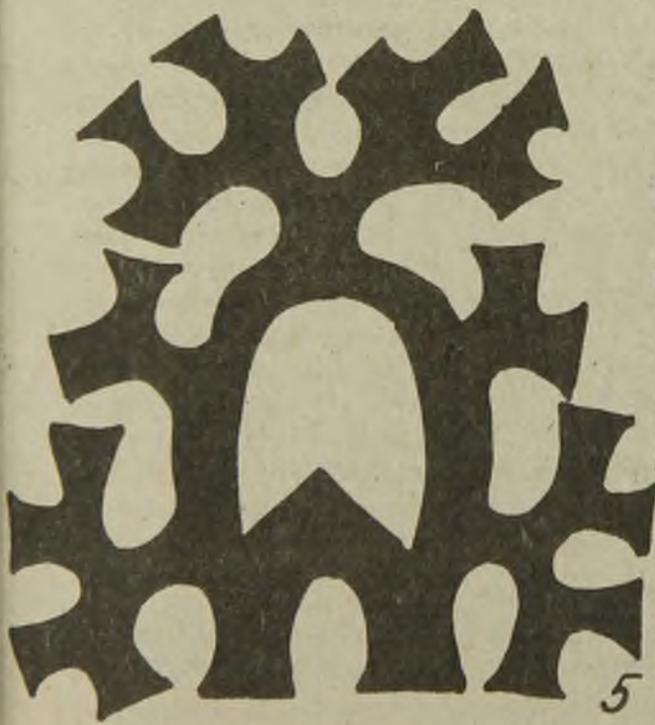
2

3

4

5

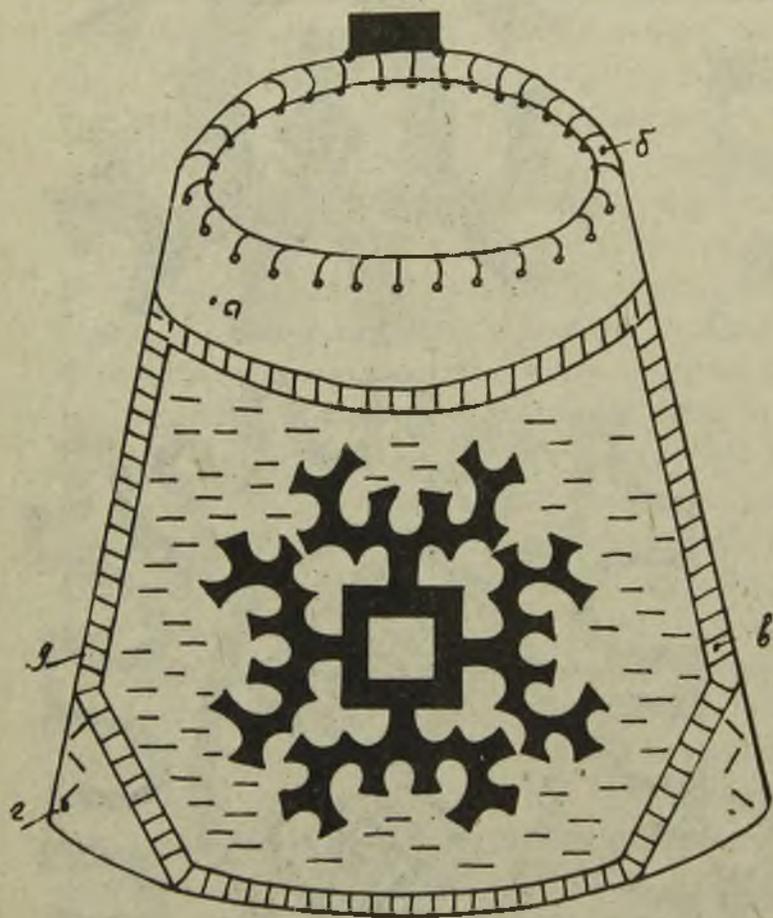
6

Изготовление посуды из бересты

б). Посуда для ягод:

а) сѡвт — манс., вонсьюп — хант. — малая набирушка для ягод. Емкость сѡвта — от одного до трех литров, к верхним краям сбоку пришивают две петли (у манси), одну петлю (у ханты). В петлю вставляют прочную палочку, чаще черемуховую, круглую, толщиной 8 мм, и зацепляют за пояс, чтобы его можно было легко снимать и зацеплять. Если сѡвт полный, то его снимают, высыпают ягоды в пѡуп (манс.) и снова зацепляют за пояс. Сѡвт шьют из свежей весенней бересты. На лицевую сторону сѡвта наносят красивые орнаменты. Такая красивая посуда всегда привлекает внимание девочек, потому с большим желанием они идут собирать ягоды. Иногда настолько привита любовь к сбору ягод, что это становится у человека хобби на всю жизнь.

Примерные размеры: высота — 20 см, диаметр — 15 см, дно — шириной 20 см. Шьют следующим образом: берут кусок бересты, режут только ножом и легким коротким движением руки, при этом большая часть ножа находится над берестой, края полученной бересты очищают от чешуи, утончают.

На рис. 1:

- а) поперечная полоска бересты;
- б) прочный черемуховый обруч (внутри);
- в) традиционный рисунок;
- г) кострище;
- д) орнамент «Ратхар арась».

Развертка представляет собой две трапеции (рис. 2).

Размеры сѡвта — набирушки нанесены на развертке. Затем сворачивают и совмещают АВ с АС, а при точке А образуется угол заостренный.

(Продолжение. Начало см. № 1, 1993 г.)

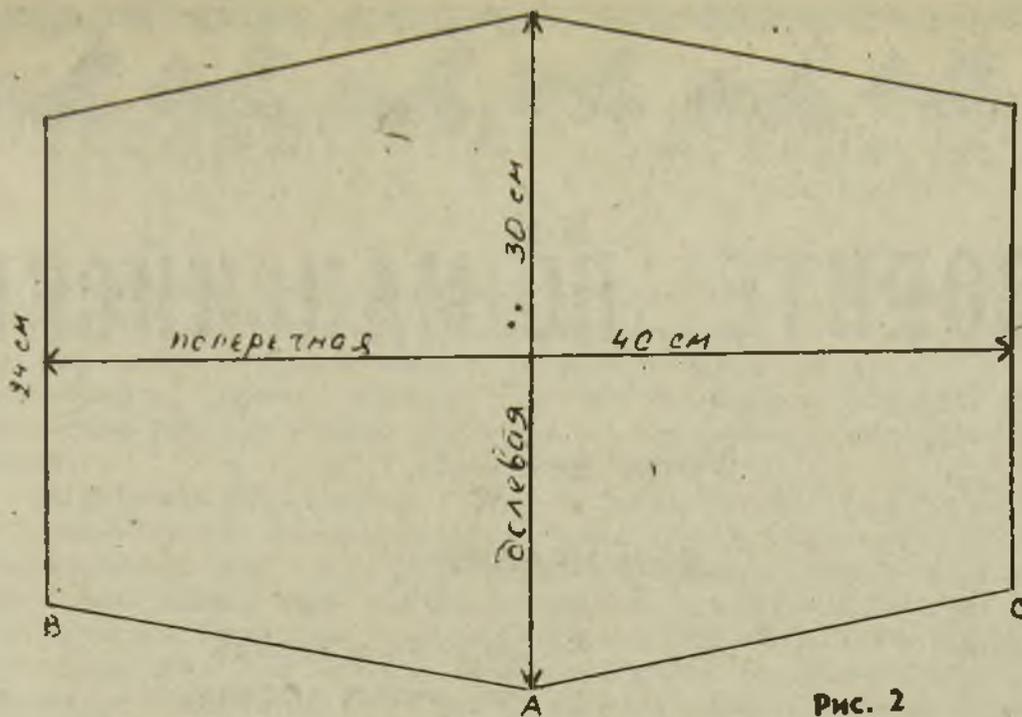

Рис. 2

Эту заостренную часть сложенной бересты легкими движениями пальцев вдавливают, при этом боковая сторона АВ заходит за АС на 3 см, пока не становится плоским углом. Тогда этот плоский угол отворачивают вверх по боковой линии, закрепив при пошиве несколькими шагами, затем начинают пришивать угол к основе (шаги шва — — — — — шов—взад—вперед). После этого внутрь вставляют обруч черемуховый, сверху прикладывают поперечную полоску бересты, швом через край пришивают обруч вместе с полоской к основе. Шьют скрученной, толстой ниткой, петелька расположена в противоположной от лицевой стороне, кромочки от лицевой стороны смотрят назад. Таков сѡвт—легкий, удобный. У манси он подвешивается на шею. При пошиве петля закладывается между стенкой сѡвта и обручем.

б) п̑юп — манс., хинт — хант. — посуда для сбора ягод.

Носят на спине, как рюкзак, он удобен, легок, емкость достигает от 10 до 30 литров. Форма такая же, как у сѡвта, отличие лишь в том, что обруч здесь помассивнее и на боковых линиях пришивают прямую рейку. Для прочности закладывают вверху и внизу две петли из прочного материала (кожа или капроновая крученая веревка). По окончании работы в петли вдевают ремень (в прошлом — веревку, плетеную из старой сетки). Можно вдевать лосиную выделанную кожу, чтобы не давило плечи. В такой посуде ягода не лопается, домой всегда доставляется сочной, свежей. П̑юп шьют не на один сезон, его очень берегут; шьют обычно мастерицы, лицевую сторону оформляют орнаментами. Чтобы ягода не высыпалась во время сбора, к нему приделывают покрывку тоже из бересты.

в) посуда для хранения рыбы, сухого мяса — коссум — манс., кушм — хант. — большой сосуд в виде слегка сплюснутой бочки, шьют его мужчины из бересты. Стенки двойные. Высота коссума в ширину бересты с самой толстой снятой березы, диаметр от 80 до 100 см. Ставят коссум на высокий сосновый кругляш. Этот коссум (манс.), кушм (хант.), с продуктами стоит в лесу до зимы, затем его на санках или на оленьих нартах доставляют домой. Вставляют два обруча внутрь, один из них вниз, другой — на верхней внутренней кромочке, снаружи долевую полоску пришивают вместе с обручем к верхней части коссума. Шьют кореньями от кедра. Затем пришивают дно, закрепляют очень плотно. Ягода в нем сохраняет сочность, свежесть. Покрывки к нему специально не шьют, но коссум прикрывают большим куском бересты и сверху кладут тяжесть, чтобы ветром бересту не срывало.

ГОВОРИТЕ ПО-МАНСИЙСКИ

Урок девятый

ДНИ НЕДЕЛИ:

Понедельник	— Сат овыл хоталэ
Вторник	— Сат китыт хоталэ
Среда	— Сат хурмит хоталэ
Четверг	— Сат нилыт хоталэ
Пятница	— Сат атыт хоталэ
Суббота	— Суббота
Воскресенье	— Усьлахтын хотал

ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА

Умой лицо.	— Вильтын ловтэлы.
Я умыла лицо.	— Ам вильтум ловтыслум.
Утром чисти зубы.	— Пункан алпыл сыстамтэн.
Вечером мой ноги.	— Этипалаг лаглагын хот-ловтэ- гын.
Хорошо причеши волосы.	— Атан емсякв консэн.
Какие у него(нее) глаза?	— Тав самаге манхурипаг?
Подать руку и сказать: «Здрав- ствуйте»!	— Катын тагтэли: «Пася!» латын лавен.

ПРИМЕЧАНИЕ: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «ң».

Топонимический словарь Югры¹

И-К

ИРТЫШ — река общей протяженностью 3501 километров (исток принят от оз. Зайсан), протяженность в пределах области 906 километров, на территории округа около 300 километров, общая площадь бассейна 1600 квадратных километров. Топоним Иртыш встречается на карте Омской области, там есть село Иртыш, а также на карте Павлодарской (г. Иртышск и с. Иртышский).

На берегах Иртыша, как и Оби, за тысячелетия побывали многие народы и каждый из них по своему осмысливал имя, доставшееся реке, и конечно, переименовая его на свой лад. Исследованием происхождения названия реки занимались многие ученые прошлого и настоящего, не обошли его вниманием и краеведы. Так, свердловские краеведы Г. Русаков и В. Ложкин на основании своих поисков дают следующее толкование этого гидромина: Иртыш — слово татарского происхождения и обозначает ир — земля, тыш — рой, сверли, то есть роющий землю (Русаков); ир — земля, тыш — край, окраина, то есть окраинская земля (Ложкин). А вот некоторые толкования ученых. Тюркский географ XI века Махмуд Кашкарский — от глагола эртишмак — кто быстрее перейдет; ленинградский топонимист М. Мильхеев согласен с татарским — роющий землю; томич А. Дульзон предполагает: название произошло от кетского Ирцис, где цис — тюркская передача сес — река. Но вот первое ир означает по-казахски — извилины, излучины, в Узбекистане — приток, а в Турции — слово Ирмак — река, в Сибири есть реки Иргиз, Иркут, Ирсу; в Монголии это — Хар-Эрчис-Гол, где хар — черный, гол — река, то есть Черная река; в Китае же, собственно, и берет свое начало Иртыш, опять Ирцис; но есть еще и башкирское — Ииртыш (рвущий, разрывающий).

Наиболее вероятно, что «Иртыш» индоевропейского происхождения, этого придерживаются известный московский ученый-топонимист Э. Мурзаев и В. Попова из Чимкента: ир (ар) — бурный, стремительный (иранское), тыш — сес, шиш — река, поток (тюркское). Иртыш — стремительная бурная река, поток. У ханты Иртыш зовется Тангат или Катанс.

(Э. Мурзаев. Очерки топонимики, 1974, с. 26, 29, 70, 190, 216, 223, 245, 288.

И. Воробьева. Язык земли, с. 83 ЛП, 25—30.06.1969, 27.10.78. ТП, 28.1.79.)

КАЗЫМ — село в Березовском районе, стоит на одноименной реке. Этимологию названия объяснил ханты-мансийский журналист Г. Д. Лазарев. На языке ханты оно звучит Касым, которое тождественно кастым, что означает переселение. Когда-то на этой реке первыми обосновались Ерныховы, переселившиеся сюда из обской деревни Суреи. Потом рядом с Ерныховыми обосновались Тарлины и другие. Вот и стала эта деревня переселившихся под названием Касым, трансформировавшаяся в русское Казым.

(ЛП, 1969, 1973 гг.)

1. Публикуется с сокращениями.

ДЛЯ ТЕПЛА В ДОМЕ

Третье стекло, вставленное в оконную раму, не только резко ослабит уличный шум в комнате, но и наполовину уменьшит потери тепла. Зазоры и щели в оконных рамах быстро и надежно утепляют газетной бумагой. Развернутую газету разрезают вдоль на четыре части. Каждую часть сворачивают вчетверо и прикрепляют к переплету в одной-двух точках пластилином, затем немного прикрывают створки. Еще одну свернутую часть газеты вставляют в горизонтальную щель между подоконником и переплетом, наконец, часть свернутой газеты оставляют между створками, после чего их окончательно закрывают.

Чтобы в квартире меньше расходовалось тепла и не переохлаждался воздух, можно устроить автоматически действующее приспособление — прикрепляемую к вентиляционной решетке рамку с ленточками из плотного материала, например, из джинсовой ткани. Если на улице тепло, ленточки будут висеть, не мешая проходу воздуха, но при понижении наружной температуры в квартиру сквозь неплотности в окнах и дверях начнет больше поступать холодного воздуха, который прижмет ленточки к вентиляционным отверстиям и, тем самым, исключит переохлаждение помещения.

Напомним: потери тепла от батареи можно значительно уменьшить, устроив у внутренней поверхности стены экран-отражатель, например, из алюминиевой фольги или дюралюминия.

Б. КРУПНОВ.

Рис. автора.

СХОДНЫЕ СЛУЧАИ

Как по теории Лобачевского параллельные прямые пересекаются в пространстве, так, видимо, и исторические параллели каким-то образом пересекаются во времени. У философов есть разные объяснения: развитие истории по спирали с повторением пройденных этапов, но на более высокой базе; закон парных случаев; признание возможности аналогии, симметрии, тождества, а проще — сходства, соответствия, совпадения разновременных исторических процессов, явлений или взаимодействий реальной действительности. Народная мудрость гласит коротко и ясно — история повторяется.

Немало тому примеров из прошлого Обского Севера я встречал в литературе и архивах за десятилетия краеведческих исканий. Осмысливать их, разумеется, не берусь, это дело ученых. А вот о сходных ситуациях и аналогичных случаях из полувекового охотничьего опыта предложу несколько невыдуманных маленьких рассказов, скорее дневниковых записей.

В МЕЧТЕ И НАЯВУ

Старые поклонники Дианы помнят шикарное и до сих пор высоко ценимое издание «Настольной книги охотника». Со знанием дела написанное, по-настоящему энциклопедическое, оно было и прекрасно иллюстрировано, имея ввиду тематику, содержание и построение фотографий и рисунков, а не тогдашний уровень цветной печати. Как только я открыл вышедший в 1956 году второй том, так и остановился на второй странице обложки. Меня сильно взволновала вклейка-рисунок, настоящая картина — 40x25 см,

Ясное утро. Солнце только бросило первые беловато-голубые и золотисторозовые блики на гладь озера или старицы, не успев рассеять туман. Тихая вода у дальнего берега еще в дымке, силуэты деревьев и кустов чуть размыты. На переднем плане плавающие листья и белые цветы лилий. Четко прорисованы куртинки камышей.

Но это все статика, антураж. Динамика в другом. В центре крупным планом плоскодонная лодка. На корме пружинисто стоит старик-егерь с длинным веслом. Он внимательно, явно по-охотничьи, прицеливаясь, следит за летящими утками. Одна из крякв очень точно изображена в падении. На переднем сидении стрелок с классным ружьем (четко видны «полные» замки, как говорили, — «на боковых досках»). Перед ним чемодан с патронами, рядом крупные краснолапые и красноносые трофеи.

Доминантой рисунка, мне показался коричнево-пегий спаниель, стоящий в позе «зверь перед прыжком» на затаянтом брезентом носу дощаника. Как же захотелось оказаться в положении того счастливого охотника и завести такую собаку...

Упомянутая в начале Богиня охоты, наверное, услышала, и мечта исполнилась. Я почти тридцать лет не расстаюсь со спаниелями. Да и та желанная картина повторилась.

Туманным августовским утром 1964 г. мы заехали с другом на большой пойменный разлив (сор), где скопилось на кормежке очень много уток-шилохвостов. С затопленных берегов (в том году был поздний спад воды) к ним подбраться невозможно, как и найти подходящее место для скрадка. И вспомнились мне довоенные охоты с отцом по «большой воде» с подъезда вдоль травянистых топких берегов. А мой первый спаниель Джойка натолкнул на другую мысль.

Когда туман стал рассеиваться — я увидел почти тот же желанный пейзаж,

но в северном варианте. Вместо деревьев невысокий тальник, вместо камыша из воды поднимается осока, а вместо лилий плавают широкие изумрудные листья муксун-травы, стебли которой на метр-полтора уходят в глубину.

Ну а остальное — дело художника-декоратора. Первые дюралевые шлюпки были, кто помнит, с плоским продольно-рифленным дном и очень легкие. Мотор, бачок и прочий груз — на берег. Закрываю для собаки скользкий нос «казанки» плащом. Ставлю перед собой чемоданчик-контейнер с патронами, важно рассказываю на переднем сидении с двумя ружьями, а товарищ встает на корме с веслом. И вперед, за давней мечтой!

Сменяя друг друга, мы медленно объехали сор. Утки вылетели из затопленных кустов и травы. Спаниель бесновался на носу — скулил, визжал и лаял. Когда трофеи падали на берег, мы приставали, а Джойка прыгала за ними и приносила к лодке.

СТРАСТЬ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

С детства я помню и до сих пор храню уже пожелтевшую от времени фотографию 1929 года, где отец запечатлен с кофейно-пегим пойнтером Найдой на фоне трофеев, в том числе серого журавля. Эту громадную птицу-подранка собака сама обнаружила на большом лесном болоте во время охоты по тетеревиным выводкам и смело добрала.

Знал я и о ее неравной схватке с другой крупной птицей. А позже, на одной из послевоенных охот, отец показал мне и место, где она в вечерних сумерках атаковала на мелком озере молодого лебедя. Найда догнала его во время медленного разбега для взлета и вцепилась зубами. Сильная птица легко вырвалась и ударом крыла отбросила собаку. Снова пыталась разбежаться, но Найда опять бросилась на нее. И так три раза, пока лебедь не оторвался от преследования уже на берегу и, наконец, взлетел...

Поздней осенью 1964 года я впервые взял молодого спаниеля на таежную охоту. На обрывистом берегу мы подкарауливали с братьями глухарей. В предрассветные минуты они рассказывались на верхушки елей и кривые сучки старых лиственниц, чтобы осмотреться перед перелетом на песчаную отмель. Там птицы клевали мелкую гальку, выполняющую роль своеобразных жерновов в их желудках для перетирания грубой зимней пищи — хвои и почек.

Собаку волновали новые лесные запахи, нарушающие ночную тишину — первые резкие крики соек, рев лосей. Телепатически передавались, наверное, и чувства хозяина, ожидавшего экзотическую добычу. Сначала Джойка вздрагивала, пугалась, когда глухарь с шумом усаживался на дерево или падал после выстрела, ломая ветки. Но к трофею обязательно подбегала, обнюхивала, пыталась даже кусать, если тот шевелился. О подаче, учитывая весовые категории, не могло быть и речи.

Отстояв зорьку, я вышел на крутояр полюбоваться быстрой темноводной лесной речкой. По стремнине желтой извилистой струей плыла опавшая хвоя лиственниц, а листья, скапливались в заводях, кружились причудливыми разноцветными колесиками-водоворотиками.

Братья еще не покинули свои позиции, когда на противоположном песке появился глухарь. Щелкнуло несколько выстрелов из мелкокалиберных винтовок. Одна из пуль перебила глухариное крыло, и он, развернувшись, поспешил в спасительный лес.

Ребята бросились мимо меня к лодке, Джойка — за ними. Через некоторое время вижу выходящую из леса процессию. Впереди прыгающая с веселым лаем собака, за ней младший брат с громадным живым глухарем под мышкой и замыкает средний брат с неестественно отставленной левой рукой.

Оказывается, собака по следу настигла глухаря на лесной полянке метрах в пятидесяти от берега и бросилась на него, как на какую-нибудь куропатку,

хотя он минимум вдвое больше ее. Вцепилась в хвост, вырвала несколько перьев, но получила такую оплеуху крылом, что отскочила метра на два. Оторопела от неожиданности, залаяла и снова схватила подранка, получив очередной крепкий удар.

Тогда брат, довольно высокий и крепкий, сделав перед этим презрительное заявление, что та не собака, которая не может взять глухаря, навалился на него сам. Обхватил птицу правой рукой, а левой хотел схватить за шею. Но тут глухарь пустил в ход свой могучий клюв и долбанул захватчика по указательному пальцу, вырвав небольшой клочок кожи.

Представляете, какой опасности подвергалась ушастая малышка, бросившись на пернатого великана. Охотничья страсть и азарт победили страх.

СЛЕДЫ НА ТРАВЕ

Не по-осеннему жарким днем 19 сентября 1970 года я охотился со спаниелем недалеко от впадения Иртыша в Обь. Типичным летним явлением была и разразившаяся сильная гроза с продолжительными раскатами грома. К вечеру темные тучи опять сменились июльскими молочно-розовыми облаками на ярко-голубом небе. К ночи так прояснило, казалось, обязательно будет заморозок. Но иней не выпал. Почти полная луна, светившая всю ночь, постепенно побледнела. Ковш Большой Медведицы, к утру вставший на свою ручку, враз растаял.

Сначала разгорелась заря, затем засветились верхние края облаков. На голубой от густой росы траве блеснул один бриллиантик, за ним — другой, и тысячи капелек влаги, переливаясь, засверкали, заискрились в первых лучах солнца. В низинах за клубился туман.

Абсолютно никитинское «Утро»:

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.

Даже «пронеслись утки с шумом», только «не скрылись». Волшебную красоту разрушает выстрел. Налетевший сзади свиязь падает в траву, образуя темный круг. Джойка прокладывает к нему свой прямой след, и я, стоя в скрадке, замечаю, насколько точно ведет ее верхнее чутье.

...13 сентября 1964 года (а это было много севернее, в низовьях Оби) к вечеру также сильно прояснило. На фоне последних синих облаков, уходящих за горизонт, золотыми нитями заиграли в лучах заката тончайшие паутинки, прикрепленные пауками-летчиками к верхушкам таловых кустов. Ночью вспыхнули яркие звезды, широкой дугой обозначилась на небосводе полоса Млечного Пути. Под утро выпал сильный иней. Желто-бурная осока подмерзла и поседела. Меняющиеся краски и звенящая тишина на рассвете были невообразимы. И снова выстрел. Тяжелый гоголь обозначил место своего падения сбитой изморосью, а Джойка почти по прямой пошла за ним...

г. Ханты-Мансийск.

СОРОКА

Ю. ГОРДЕЕВ

В марте 1940 года наша маленькая семья покинула Ханты-Мансийск и самолетом прибыла в поселок Березово, куда отец был направлен на работу в новую организацию с длинным названием «Рыбколхозсоюз». Здесь на первое время мы поселились у сестры отца, и я впервые встретился со своими сродными братом Кимом и сестрой Надеждой, которые уже ходили в начальную школу. Вся их семья жила в одноэтажном доме на территории райбольницы, в которой работал хирургом глава семьи. Дом был старый, стоял он на опушке еловой рощи.

В первое же утро, когда я, проснувшись, подошел к окну, прямо перед собой на заборе увидел птицу, которую, как я уже знал, зовут сорока. Яркое мартовское солнце хорошо освещало ее и было видно, какими разнообразными цветами отливало оперение головы, крыльев и хвоста, которые издали выглядят однообразно черными. При каждом повороте головы по ней пробегала радуга из зеленого, фиолетового и малинового цветов, птица от этого приобретала сказочный вид.

Сорока, хотя и лесная птица, но в нашем краю почти всю зиму проводит около жилья человека, питаясь остатками кухонного стола, поэтому хорошо всем знакома. Ранними утрами в декабре и январе, когда только чуть посветлеет небо, птицы покидают места ночевки и летят на огни городов и деревень — порой так рано, что на фоне темного неба их не видно до того момента, пока птицы темными комками не упадут на заборы или ветки деревьев. Какое-то время сороки молча сидят, нахохлившись от холода, потом начинают поиски пищи. Вот вышла хозяйка из дому с ведром, полным пищевых отходов, выбросила их на обледенелую кучу и пошла обратно. Сороки сразу со всей оградой спешат к ней. Каждая норовит ухватить еще теплый, не смерзшийся кусок хлеба, картофеля или рыбы. Если пищи много, то все молча едят, а насытившись, выбирают из остатков наиболее ценные куски и прячут в снег подальше. Если пищи мало, то с первых минут возникают короткие стычки и раздаются недовольные голоса обиженных.

Зимой при поисках и добычи пищи дополнительные трудности доставляет снегопад: за длинную ночь снег засыпает ее остатки, еще вчера хорошо заметные. А в сильные морозы птицам приходится долго долбить смерзшиеся остатки отбросов и при этом успеть насытиться за короткий день.

После снежных бурь сороки, прилетев из лесу в ограду, первое время наблюдают за собаками. Те своим острым чутьем быстро находят занесенные остатки пищи. Сороки тем временем усаживаются поближе и внимательно наблюдают. Как только собака убежит, они доедают то, что осталось.

К полудню, насытившиеся птицы позволяют себе немного отдохнуть, потом снова принимаются за поиски пищи, чтобы не с пустыми желудками провести ночь. С наступлением ранних сумерек сороки одна за другой спешат обратно в лес на места ночевки. Так день за днем проходит, самое темное и холодное время зимы, пока не наступит февраль, а с ним прибавка света, жизненно важная для всех зимующих птиц. Днями солнце едва выжимает своими лучами капли воды на южных сторонах домов, но для сороки и этой перемены в погоде достаточно, чтобы радоваться. Они перестают молчаливо сидеть на заборах или

прыгать по снежным дорогам и подают свои характерные голоса — как брачные, так и тревожные.

Брачные голоса издают самцы, которые хотят привлечь внимание самок и для этого усаживаются на самые верхушки елок и пихт. Эти отрывистые «экающие» и «ыкающие» звуки складываются в песню о будущем счастье. В тонкостях песни хорошо разбирается каждая сорочиха, и та, для которой наиболее подходят высказанные певцом предложения, приближается к нему — брачный союз устанавливается. С этого момента сорочиха при исполнении песен, адресованных ей, находится поблизости и вплоть до середины марта частенько отдыхать подсаживается к певцу.

С середины марта поведение ее меняется, она начинает скрываться в ветвях деревьев и меньше слушает исполнителя. Наступает время поиска места для постройки гнезда, которое обычно располагается вблизи от прошлогоднего, если это уже гнездившаяся пара.

В мартовские дни, когда пары обособятся, нередко можно наблюдать, как сороки, особенно перед снегопадом, устраивают снежные купания. Облюбовав лесную полянку с рыхлым снегом, птицы порхают на нее, прижимают грудь и голову к земле, двигаются зигзагами, помогая себе крыльями. От взмахов крыльев взлетает пушистый снег, искрится на солнце, его блеск дополняют радужные переливы на перьях радующихся приходу весны сорок. После сорочьих купаний на снегу остаются странные следы, которые озадачивают неопытного следопыта, но бывалый сразу скажет, что скоро снегопад и что в сорочьей жизни наступило весеннее настроение.

Гнездо сорок, к строительству которого они приступают в конце марта, представляет особую постройку, как будто специально приспособленную для жизни в условиях севера: оно имеет крышу.

В таежных лесах для постройки гнезд сороки предпочитают невысокие кедр, реже — ели и сосны. В широких поймах рек они размещают их на берегах, осинах и особенно часто на ивах, растущих у самой воды или в воде. Если гнезда, построенные на ветвях лиственных деревьев, весной хорошо видны издалека, то размещенные на хвойных мало заметны, однако их выдают сухие ветки, темнеющие на снегу.

Несмотря на сложность устройства гнезда, сороки затрачивают на строительство относительно мало времени — 10—15 дней. Главная трудность, сдерживающая постройку — поставка материалов. У сорок это глина или суглинок, которые идут на обмазку стенок лотка. Смерзшаяся за долгую зиму, весной глина только-только начинает оттаивать (в южной части края — с первой декады апреля, в северной — со второй). Как только земля оттаяла на солнечных бровках обрывов, сорочьи пары собирают мокрые кусочки, уносят к своим гнездам и обмазывают лотки. Проходит день-два, глина подсыхает и начинается последний период в постройке гнезда — выстилка лотка тонкими корешками, сбор которых не так заметен, он идет скрытно.

В конце апреля — начале мая гнезда готовы, и сороки приступают к насиживанию кладок. У них, как и у серых ворон, самки насиживают кладки, а самцы охраняют гнездовую территорию и кормят наседок. Находясь на гнезде, самка постоянно подает голос, по которому самец, принося пищу, легко находит гнездо даже в самых густых зарослях. Но стоит самцу увидеть опасность, особенно приближающегося человека, как самка, предупрежденная особым сигналом, смолкает и ждет следующих сигналов. Если человек прошел, то перекличка возобновляется, если приблизился к дереву с гнездом, то настороженность возрастает. Услышав треск ветвей или почувствовав содрогание ствола, сорочиха вылетает и начинает вместе с самцом тревожно стрекотать.

Полная кладка в сорочьем гнезде состоит из 6—7 яиц и только

изредка из 8. Мне из 25 осмотренных в разные годы гнезд такая кладка встретилась только один раз.

Птенцы покидают гнезда на 23—25 день после рождения, обычно в начале июня, а к началу августа отделяются от родителей и ведут самостоятельную жизнь. В эту пору они особенно любопытны и назойливы. Помнится такой случай. Как-то во время покоса на протоке Березовской, что выходит из Иртыша в Обь, к нашему столу привязалась целая стая молодых сорок.

Приехали мы на стан поздно вечером, поели и повалились спать, оставив всю посуду и остатки пищи на столе. Утром, когда чуть посветлело, я услышал какие-то позвякивания, постукивания, перемежающиеся с редкими негромкими отрывистыми звуками. Я подполз к отверстию палатки и увидел на столе десятка полтора сорок. Одни торопливо расклеивали хлеб, остатки рыбы, картофеля, другие, демонстрируя свое природное любопытство, переворачивали все, что было под силу — бумагу, ложки, вилки, чашки — сбрасывали все это на землю. Шел форменный разбой.

Сорочье любопытство, которое идет на пользу лесным птицам и зверям, особое неудобство доставляет охотнику. Выследив добычу, он подкрадывается на верный выстрел, старается сделаться незаметным, но это ему не удается, если хотя бы одна длиннохвостая лесная болтуня увидит его. Она обязательно поднимет шум, и зверь или птица уйдут. Мне самому много раз сороки мешали заснять на фотопленку птицу и поэтому особого расположения к ним во время фотоохоты у меня не было.

В нашем краю сорока слывет не только непоседливой и любопытной птицей, но и мистической. В давние времена в сибирских деревнях различные рассказы о нечистой силе связывали ее с сорокой. Вот такая это птица. Само слово «сорока», по Далю, происходит от более древнего «сорочить» — стрекотать. У народов севера эта птица также хорошо известна и имеет несколько названий: сау, савнэ, сех, кэгы.

Фото автора.

ТЕПЛОЗАЩИТНАЯ МАСКА «СЕВЕР»

Даже очень сильный мороз (до -60°) и ветер не будут Вам помехой, если Вы будете пользоваться маской «Север» (аналог см. на фото). Она надежно защитит от контакта с холодным воздухом открытые части лица, шею и уши.

Главное ее достоинство в том, что человек, пользующийся ею, сколь угодно долгое время пребывания на морозе -45° дышит согретым теплым воздухом, не применяя для этого дополнительных источников энергии, кроме тепла выдыхаемого воздуха.

ФАНТАСТИКА! — скажете Вы и не ошибетесь, таких средств защиты в России раньше не было. Мы запатентовали маску, а к серийному производству приступили в 1992 году.

Купите партию масок «Север», и Вы на своем опыте убедитесь, что нами названы далеко не все ее достоинства. После испытаний в институте биофизики Минздрава России маска рекомендована к широкому применению без ограничения.

По вопросам приобретения масок обращайтесь: 625003, г. Тюмень, ул. Розы Люксембург, 12. Малое предприятие «НЭССИ». Тел. 25-02-41, факс 24-74-00. Межобластной код: 8-[3452] —

МАСКА «СЕВЕР» — ОАЗИС ТЕПЛА В ОКЕАНЕ ХОЛОДА!

